

Лидия Чарская

Счастливчик

Лидия Алексеевна Чарская

Счастличик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=634885

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Только восьмой час утра, но в гостиной целое заседание. Впрочем, в эту ночь почти никто не спал от томительного ожидания. Сегодняшнее утро очень важное. Сегодня Счастличика отправляют в гимназию в первый раз. Собственно говоря, прошла уже целая неделя со дня молебна в гимназии, целая неделя уроков. Мальчики, поступившие вместе со Счастличиком, уже целые семь дней посещали классы, но Кира едет туда сегодня впервые.

Содержание

ГЛАВА I	5
ГЛАВА II	10
ГЛАВА III	13
ГЛАВА IV	19
ГЛАВА V	22
ГЛАВА VI	27
ГЛАВА VII	36
ГЛАВА VIII	40
ГЛАВА IX	49
ГЛАВА X	54
ГЛАВА XI	57
ГЛАВА XII	63
ГЛАВА XIII	66
ГЛАВА XIV	75
ГЛАВА XV	85
ГЛАВА XVI	89
ГЛАВА XVII	97
ГЛАВА XVIII	103
ГЛАВА XIX	111
ГЛАВА XX	116
ГЛАВА XXI	121
ГЛАВА XXII	126
ГЛАВА XXIII	130

ГЛАВА XXIV	135
ГЛАВА XXV	140
ГЛАВА XXVI	147
ГЛАВА XXVII	153
ГЛАВА XXVIII	158
ГЛАВА XXIX	163
ГЛАВА XXX	166
ГЛАВА XXXI	170
ГЛАВА XXXII	174
ГЛАВА XXXIII	178
ГЛАВА XXXIV	184
ГЛАВА XXXV	189
ГЛАВА XXXVI	196
ГЛАВА XXXVII	201
ГЛАВА XXXVIII	205
ГЛАВА XXXIX	208
ГЛАВА XXXX	213

Лидия Алексеевна Чарская Счастличик

ГЛАВА I

Утро. Синие шторы спущены в детской, но шаловливый солнечный луч нашел скважинку между занавеской и оконной рамой и проник в комнату, освещая уютную, красивую белую кроватку, голубое стеганое атласное одеяло и белокурую, с длинными растрепанными кудрями, головку спящего мальчика.

Между стеклом и шторой на окне шевелится кто-то. Слышится усиленная возня, постукивание и шелест.

Наконец этот «кто-то», таинственный и незримый, кричит голосом, не допускающим возражений:

– Бонжур! Пора вставать, Счастличик! Пора вставать!

Белокурая головка в голубовато-белой кроватке приподнимается. Большие черные глаза то недоуменно тарачатся, то жмурятся от солнечного луча.

– Бонжур! Пора вставать, Счастличик! – еще раз кричит тот, невидимый, у окна.

Мальчик сладко зевает, потягивается и садится на постели.

Мальчик этот очень хорошенький и изящный. Он весь тоненький и хрупкий, с бледным, точно фарфоровым личиком, черноглазый, с льяными кудрями, с правильными чертами и алым, как вишня, ротиком. Ему девять лет, но кажется он значительно меньше.

Счастливчик – крошечного роста, и все принимают его за семилетнего. Совсем, однако, напрасно: он умен, как взрослый. Это говорят все: и бабушка, и няня, и Ляля, и monsieur Диро, и Мик-Мик.

Только что Счастливчик спустил с постели голенькие ножонки, как за дверями слышится голос:

– Можно войти?

Счастливчик подбирает тотчас свои ноги под себя и садится, как турецкий паша, посреди своей нарядной кровати.

За шторой на окне слышится возня. Кто-то тревожно мечется там и свистит: «Фю-фю-фю».

– Войдите! – кричит Счастливчик. – Мик-Мик, это Вы?

Дверь широко распахивается. На пороге появляется высокий студент в тужурке, со смеющимися, серыми, весело прищуренными глазами и маленькой серой бородой.

Счастливчик не ошибся. Это Мик-Мик, собствен-

но говоря, Михаил Михайлович Мирский, репетитор Счастливого и дальний родственник, весь последний год готовивший мальчика в гимназию в первый класс. Счастливчик еще совсем маленьким мальчиком, когда он не умел хорошо говорить, прозвал Михаила Михайловича «Мик-Мик» и с тех пор его так и называет постоянно.

– Как, еще в постели! Но сегодня экзамен! – с деланным ужасом восклицает Мик-Мик и состраивает такую страшную физиономию, какая, по всей вероятности, была у серого волка, когда он намеревался проглотить Красную Шапочку в сказке.

– Кира, безбожник вы этакий, ведь на экзамен опоздаете! Вот по стойте, я вас!

Мик-Мик бросается к голубовато-белой постельке, хватая Счастливого за руки и вертится с ним по комнате, высоко держа мальчика над головой.

– Сегодня экзамен! Экзамен, экзамен! – припевает он на мотив песенки «Жил-был у бабушки серенький козлик».

Счастливчик хохочет. Ему весело, забавно, но немножко холодно.

– Милый Мик-Мик, пустите меня!

– Я спущу вас, Счастливчик, лишь только вы скажете мне, что такое за зверь имя существительное?

– Это название предмета, – не сморгнув отвечает

мальчик, хохоча до слез.

– А глагол? Что за козявка божья глагол, Счастливичик?

– Глагол означает действие предмета! – снова получается между двумя взрывами смеха веселый ответ Счастливичика.

– Тра-ля-ля! Вы молодец, Счастливичик, и получаете свободу...

И в одно мгновение ока мальчик высоко вскинут на воздух и водворен обратно в постель.

За шторой усугубляется возня, и отчаянный голос пронзительно вопит на всю спальню:

– Желаю вам доброго утра! Бонжур!

– Ха, ха, ха, ха! Ах, Коко, бедняжка! Надо его освободить.

В одну секунду Мик-Мик уже у окна. Синяя штора поднята, и белая волна солнца и света вливается в комнату.

На окне висит большая клетка. В ней зеленый попугай с розовой головкой. Он чистит лапку клювом и поет картавым птичьим голосом:

Я умен,
Ты умен,
Умники мы оба!

– Нет, уж ты меня извини, попка, а ты вполне за-

конченный дуралей, – смеется Мик, просовывая и тот-час выдергивая указательный палец между прутьями клетки.

Коко сердится и свистит. Он всегда свистит в таких случаях. Потом, как ни в чем не бывало, затягивает снова:

Я умен,
Ты умен,
Умники мы оба!

И ни с того ни с сего прибавляет совсем уже ни к селу ни к городу:

– Попочка любит винегрет!

Мик-Мик и Счастливчик заливчато хохочут.

ГЛАВА II

– Еще в постельке! Ай, ай, ай, как нехорошо! Небось Михаил Михайлович уже пришли, чтобы приготовить тебя, Счастливчик, к экзамену, а ты еще в постельке!

Старая, рыхлая, простодушная, как и все русские няни, Степановна проникает в детскую и укоризненно качает седою, как лунь, головою в ослепительно белом чепчике.

Коко, который за этот именно белый чепец да еще за упорное нежелание давать ему сахар недолюбливает няню, при появлении ее заливается отчаянным криком:

– Ступай прочь! Ступай прочь!

Этой фразе выучил Коко молодой лакей Франц, который тоже не любит няню, не любит за то, что она держит себя, по его выражению, «превыше барыни».

При неожиданном крике Коко няня вздрагивает, пугается, потом начинает сердиться.

– Тьфу, пропасть! – ворчит она. – Глупая птица! Постой, я вот тебя!..

– Я вот тебя! – как эхо, крикливо вторит ей попугай.

Счастливчик с Мик-Миком хохочут. Няня начинает сердиться уже самым серьезным образом.

– Барыня вас спрашивали, батюшка мой, – обижен-

ным голосом обращается она к студенту. – Благово-лите пройти в столовую.

– Хорошо, я сейчас «благоволю пройти» в столо-вую, – отвечает смеясь Мик-Мик, – а вы, старушка бо-жья, не извольте себе ради глупой птицы кровь пор-тить. Ведь Коко безвредная штука.

– Коко безвредная штука! – покорно соглашается попугай.

Мирский вышел. Няня принялась за мальчика. На-чалось утреннее одевание, обмывание, расчесыва-ние длинных и мягких, как паутина, белокурых кудрей Счастливого.

Обтерев все тело мальчика губкой, смоченной в туалетном уксусе, няня надела, прежде всего, Кире фланелевый набрюшник на животик, тонкую шелко-вую фуфайку, теплые егеровские носочки на ноги, а поверх их – длинные, выше колен, шелковые черные чулки и высокие, из желтой кожи, на четырнадцать пуговиц, сапожки. Потом, за мраморным, маленьким, как игрушка, умывальником, собственноручно намы-лила ему руки, уши, обтерла губкой лицо, вычистила ногти и зубы и, наконец, надела на Киру дорогой бар-хатный с кружевным белым воротником и манжетами, прелестный костюмчик.

Тщательно умытый, причесанный и нарядный, со своими длинными локонами, обрамляющими, как в

раме, тонкое, красивое личико, весь в бархате и кружевах, Счастливчик казался теперь чудесной, дорогой французской куклой или, вернее, маленьким принцем из волшебной сказки.

– Молись Богу, мой батюшка, чтобы на экзамене какой прорухи не вышло! – наставительно проронила няня и, опустившись на колени перед киотом с мерцающей лампадкой, зашептала блеклыми, старческими губами:

– Господи, помоги отроку твоему Кириллу! Заступница, царица небесная, умудри младенца своего!

И Кира молился тоже.

Обычно неугомонный Кoko притих в своей клетке и, свернув набок свою зеленовато-розовую головку, усердно наблюдал коленапреклоненные фигуры мальчика и старухи.

ГЛАВА III

Когда Кира вошел в столовую, вся семья была уже в сборе. Пили чай за большим столом.

На главном месте, в кресле, сидит бабушка.

Она еще издали протягивает руки своему любимцу. Ее милое, доброе, красивое, все излученное мелким сиянием морщинок, лицо и большие серые глаза улыбаются Кире.

В своем обычном черном шелковом платье, с черной же шелковой кружевной косынкой на седых, как серебро блестящих, волосах, маленькая, изящная Валентина Павловна Раева удивительно похожа на изображение маркиз на старинных французских картинах. Счастливчик весь в нее, вылитый портрет.

Тут же, за столом, сидит одиннадцатилетняя Симочка, бабушкина воспитанница, взятая с трехлетнего возраста в дом Раевых бедная сирота. Симочка скромно потупила глаза и всеми силами старается скрыть огромное чайное пятно, сделанное ею на чистой, только что постланной скатерти.

Симочка – маленькое, лукавое, вертлявое существо. Любит сладкое и интересные сказки. Часто говорит неправду и когда солжет, то всегда ее светлые глазки принимают беспокойное выражение.

Симочка некрасива. Личико птички: остренькое, с маленьким носом-пуговкой и массою веснушек. На белокуро-рыжеватых, двухцветных волосах голубенькая круглая гребенка. Волосы коротенькие и из-под гребенки стоят на темени торчком. Рожица лукаво-шаловливая, старающаяся казаться скромной.

Против Симочки за столом сидит Ляля.

Ляле, родной сестре Киры, четырнадцать лет. Она калека. Ходит на костылях с четырехлетнего возраста. До четырех лет она не ходила совсем. Доктора говорят, что болезнь Ляли пройдет с годами, а пока ее усиленно лечат, возят на юг и за границу и мучают всякими втираниями, ваннами и душами.

У Ляли красивое тонкое личико, такое же, как и у Киры и бабушки, только черные большие глаза Ляли всегда печальны, а тонкие бледные губки смеются редко. Около Ляли гувернантка – Аврора Васильевна, строгая, суровая ко всему миру, но бесконечно добрая и мягкая к одной Ляле, которую она обожает. Аврора Васильевна – худая, высокая, как жердь, особа, гладко причесанная, в строгого фасона суконном платье, без малейшего украшения, бантика, кружевца.

С другой стороны Ляли поместился monsieur Диро, воспитатель Счастливого. Monsieur Диро – француз из Парижа, говорит плохо по-русски и как родного сына любит и балует Киру, воспитание которого ему по-

ручено с пяти лет. Он же дает уроки Ляле и Симочке по французскому языку и рисованию, а в свободное от занятий время пишет масляными красками картины.

Мик-Мик – его враг. Monsieur Диро никак не может простить студенту, что он отнял от него совсем за этот последний год Счастливого, и часто жалуется, что с тех пор, как Мирский приходит ежедневно заниматься с Кириной, мальчик как будто чуточку охладил к своему старому другу, к своему Ами, как Счастливчик, а за ним и все в доме прозвали старого француза.

У monsieur Диро короткие, пегие от сильно пробивающейся седины волосы, небольшая бородка, седые усы, добродушнейшее в мире лицо и мягкая улыбка.

Сейчас Ами усиленно спорит о чем-то на своем ломаном французско-русском наречии с Мирским. Лицо сердито-недовольное, седые брови сжаты. В глазах огоньки.

Но вот входит Счастливчик и останавливается на пороге.

– Доброго утра, Счастливчик!

Голос бабушки, нежный, грудной, ласковый, так и льется прямо в душу.

– Как спал, дитя? Не болит ли что? Может быть, ночь беспокойно спалось в ожидании экзамена?

Глаза бабушки близоруко щурятся и сияют. Счастливчик целует почтительно бабушке руку.

– О, не беспокойся, милая, милая бабушка! Я совсем не боюсь экзамена, ну ни чуточки не боюсь! – своим звонким голоском отзывается Счастливчик.

– Еще бы он боялся! Да если бы вы труса праздновали при вашей подготовке, Кирилл Кириллович, я бы и знать вас не захотел! – отзывается с конца стола Мик-Мик таким страшным необычайным басом, что Симочка взвизгивает от восторга и, сделав резкое движение, окончательно разливает чай на скатерть.

Аврора Васильевна значительно вскидывает глазами в ее сторону и грозит пальцем. Пятно получается огромное – не пятно, а целая лужа, которая и размазывается дальше и дальше настоящим озером по столу. Симочка, красная как рак, потупляет глазки и бросает испуганный взгляд на бабушку. Но бабушка занята Счастливчиком. Надо ему налить какао, не забыть предварительно заставить принять Киру ложку какого-то снадобья, которое три раза перед едою, вследствие малокровия, принимает Счастливчик, выбрать булочку, прибавить сахару в его стакан в серебряном дорогом подстаканнике и т. д. Не до Симочки сейчас, не до других.

Впрочем, не одна бабушка сейчас занята исключительно внуком. С той минуты, как в столовую вошел Счастливчик, лица всех засияли и растянулись в довольные улыбки. Просиял Ами, просияла печальная

Ляля, просиял молодой щеголь-лакей Франц, стремительно подставляя маленькому барчонку его удобный, нарочно заказанный для него бабушкой, стул с высоко прилаженным сидением. Даже по обычно холодному, строгому лицу Авроры Васильевны проползло нечто похожее на улыбку, а лукавые, теперь несколько смущенные глазки Симочки заискрились и заблестели, как звезды. Счастливчика целовали, обнимали, пожимали его крошечную, миниатюрную ручку, невольно любуясь при этом его изящной фигуркой в бархатном наряде, с большим воротником.

Счастливчик важно восседал на высоком стуле, пил какао, кушал сдобные крендельки и булки и, с видом взрослого, ужасно серьезного человека, слушал, как вести себя в гимназии во время экзаменов, слушал последние наставления, даваемые ему Мик-Миком.

Он не боялся предстоящих испытаний ни капли. Счастливчик не боялся уже потому, что все то, что полагалось знать для ученика первого класса, мальчик, благодаря стараниям своего учителя, знал на славу. И потом, с самых ранних лет Кира привык верить, что все вокруг него было точно создано для его радостей, все ему удавалось как нельзя лучше, все шло гладко и ровно, как по маслу, и что он был настоящий Счастливчик и баловень семьи. Так неужели же судьба теперь изменит Счастливчику, и он не выдержит экза-

мена?!

ГЛАВА IV

– Андрон, подавай!

Щеголеватый Франц с быстротою мальчика выскочил с лестницы и молодцеватым жестом отстегнул кожаный фартук коляски.

– Пожалуйте!

Сначала в коляску села бабушка. Подле нее поместился Счастливчик в красивом летнем плаще и мягкой широкополой панаме-шляпе, придававшей ему еще больше сходства с хорошеньким, маленьким принцем. На крыльце стояли Мик-Мик, Ами и няня.

Няня крестила Счастливчика, шепча молитву. Мик-Мик кричал весело:

– Смотрите же, Кира, не спутайте, сколько семью девять... Да в диктовке будьте повнимательнее! У вас насчет буквы «ять» не больно-то щедро бывает... Если на пятерках не выедете, берегитесь возвращаться, Счастливчик! Живым проглочу!

А Ами кричал в свою очередь по-французски:

– Смелее! Смелее, мой мальчик!

И все трое улыбались и кивали.

Мик-Мик должен был тоже ехать в гимназию, и для того, чтобы узнать об участии экзаменов Киры, и для того, чтобы переговорить, если понадобится, с дирек-

тором гимназии, а главным образом – с целью поддержать своим присутствием бодрость духа в Счастливице.

Бабушка и внучек поехали в гимназию в «собственной» шикарной коляске. Мик-Мик идет туда сначала пешком, потом садится в электрический трамвай и едет.

Раевы живут далеко от гимназии, которая находится в самом центре города. У бабушки собственный дом, большой, белый, двухэтажный, окруженный тенистым садом, точно маленькое имение, с качелями, площадкой лаун-тенниса и крокета. Когда Счастливик выдержит экзамен и поступит в гимназию, monsieur Диро будет отвозить его туда ежедневно. Бабушка уже решила это. В более близкую гимназию она ни за что не отдаст своего любимца потому, что там воспитываются дети дворников, сапожников, мелких торговцев. В той же, куда они едут сейчас, учатся почти исключительно дети из более изысканного общества. Бабушка уже давно, прежде чем поступить туда Кире, тщательно навела об этом справки, опасаясь, как бы Счастливик не заразился дурными манерами среди плохо воспитанных детей. Бабушка думает и сейчас об этом. А гнедой Разгуляй то и дело набавляет ходу под опытной рукой кучера Андрона. И Андрон, и Разгуляй, очевидно, понимают всю тор-

жественность минуты: маленький барин едет держать экзамен. А вы думаете, это легкая штука, экзамен?

ГЛАВА V

– Боже ты мой, какой маленький! Сколько же ему лет?

Человек в синем вицмундире, с блестящими пуговицами и бархатным воротником, смотрит сквозь золотое пенсне сначала на бабушку, потом на крошечную фигурку Счастливого, всю утонувшую в бархате, кружевах и кудрях.

Бабушка смущена. В самом деле, Счастливчик такой маленький, худенький и хрупкий, что кажется семилетним.

– Ему уже девять лет! – говорит бабушка инспектору, так как человек в синем вицмундире с блестящими пуговицами – инспектор той гимназии, куда поступает Кира.

– Фамилия? – кратко осведомляется еще раз инспектор.

– Кирилл Раев, – говорит бабушка, немного испуганная его строго деловым тоном.

– Потрудитесь пройти в общую приемную, – снова роняет деловой человек и устремляется куда-то в дверь, наскоро сделав заметку в своей записной книжке.

У него такое серьезное, сосредоточенное лицо и

нахмуренные брови, показавшиеся Кире сердитыми, что мальчик рад, когда сердитый синий человек оставил их в покое.

Чуть-чуть волнуясь, Валентина Павловна прошла с внуком в коридор, который ведет в приемную.

О, сколько народа! Какой шум от многих голосов! И мальчики, мальчики, мальчики без конца. Столько мальчиков вместе Кира еще не видел за всю свою маленькую жизнь.

– Все они пришли экзаменоваться? – шепотом осведомляется у бабушки Счастличик.

– Да, да, милый! – получается такой же тихий ответ.

Счастличик останавливается посреди комнаты. Его большие, черные, теперь серьезные глаза оглядывают присутствующих внимательным, зорким взглядом. Личико его сосредоточено. Белокурые локоны падают на лоб.

Какой красавчик! Точно картинка! А какой малюсенький! – слышатся подавленные возгласы восторга и изумления вокруг него.

Родители и дети, находящиеся в приемной, заняты все исключительно созерцанием очаровательного ребенка.

Но Счастличик равнодушно относится к похвалам. Еще бы! Он так привык с детства, чтобы им восхищались. Зато по лицу бабушки проходит довольная

улыбка. Бабушка очень любит, когда хвалят ее любимца. Вдруг один мальчик, стоявший подле бедно одетой, худощавой женщины, скромно приютившейся в углу, пристально взглянул на Счастливику и громко на всю комнату крикнул, нимало не стесняясь:

– Вот так штука! Ни мальчик, ни девчонка, а точно кукла в шляпе! Мама, погляди!

Бедно одетая женщина испуганно зашикала на сына и замахала руками, багрово краснея и смущенно оглядываясь на соседей.

– Что ты, Ванюшка, что ты! Разве можно так!

Бабушка повела на дерзкого мальчика молниеносным взором и процедила недовольным тоном, тоже слегка краснея и строго поджимая губы:

– Какой дурно воспитанный мальчик!

Но «дурно воспитанный» мальчик, как говорится, глазом не повел на замечание бабушки. Он продолжал внимательно и зорко, как невиданного зверька, осматривать Счастливику и тихо хихикал, закрыв себе рот кулаком. Его серые небольшие глазки так и искрились. Кира тоже в свою очередь внимательно смотрел на мальчика. Здоровый, широкоплечий, плотный, с коротко стриженной головою, с румянцем во всю щеку, он представлял из себя завидный тип маленького богатыря. А костюм у краснощекого, так и пышущего силой и здоровьем «богатыря» был совсем

простой, бедный: черная, довольно поношенная, хотя и чистая курточка, простенькие штаны, ременный пояс и высокие сапоги в заплатах. Эти заплатанные сапоги начинали заметно беспокоить бабушку.

– Вот вам и первоклассная гимназия! – мысленно изводилась Валентина Павловна. – Думала, что здесь все дети зажиточных родителей, и вдруг оказывается, что и мужиков сюда водят экзаменоваться!

Волнению Валентины Павловны, однако, суждено было скоро принять иное направление. Открылась стеклянная дверь в соседнюю комнату. На пороге ее очутился знакомый уже человек в синем вицмундире.

– Прошу детей выстроиться в пары и идти в зал!

Бабушка заволновалась сильнее.

– Идти в зал, а Мик-Мик еще нет!

Но вот на пороге приемной вырисовалась стройная фигура студента в серой тужурке.

– Вот и я! Не опоздал?

Мирский не один. С ним высокий, полный господин в таком же синем вицмундире, как и у инспектора. И пуговицы такие же, блестящие, золотые. Только лицо другое: доброе, веселое, смеющееся.

– Это преподаватель математики! – говорит Мик-Мик, целуя руку бабушки. – Зовут его Владимир Александрович Аристов.

– Батюшки мои! Это еще что за прелесть! – раз-

ражается восхищенным басом представленный учитель, глядя на Киру. И, едва успев пожать руку бабушки, он берет за руку Счастливого и идет с ним впереди правильно выстроенной по два в ряд шеренги мальчиков, прямо в зал.

ГЛАВА VI

Какой он был, этот зал, большой и светлый! Окна, окна, без конца. Солнце так и заливает огромную белую комнату. Паркетный пол гладок, как зеркало. В переднем углу образ Спасителя, благословляющего детей. Перед ним стол, покрытый зеленым сукном, стулья вокруг, а по всему залу расставлены ученические столики и скамейки.

За зеленым столом целое общество. Счастливчику хорошо видны чужие, незнакомые мужчины в синих сюртуках с блестящими пуговицами. У одного из них на груди надето что-то вроде звезды, у других орденна или знаки – Кира не может разобрать хорошенько. В конце стола сидит пожилой священник в лиловой рясе. Золотой крест на цепочке горит и искрится на солнце сотнями лучей. Лицо у священника худощавое, строгое, с узкой седенькой бородкой.

Мальчиков, вошедших в зал, тотчас же рассадили по скамейкам. На столах перед ними уже заранее положены чистые листы бумаги для диктовки и вставочки с перьями. Чернильницы неподвижные, вделаны в столы.

Владимир Александрович Аристов подвел Счастливчика к первой скамейке, стоявшей по соседству с

зеленым столом, и посадил.

– Какой красивый ребенок! – сказал господин в синем сюртуке со звездой на груди.

Сказал он это очень тихо окружающим, но так, что Кира услышал его слова.

– Поклонись ему, мой мальчик. Это директор гимназии, – шепнул учитель математики Кире.

Кира встал с места, шаркнул ножкой и склонил голову. Кудри упали ему на лицо.

От стола отошел маленький кругленький человечек в очках.

– Пишите, дети. Я буду вам диктовать, – проговорил он громко каждое слово и стал еще громче нанизывать фразу за фразой, одну за другой, одну за другой: «Летом хорошо в деревне. Все зелено и сочно в лесу. Поют веселые маленькие птички, журчат ручьи, мелькают пестрые мотыльки».

Учитель диктовал, мальчики писали. Счастливчик умел хорошо писать диктовки. Мик-Мик за весь последний год приучал его к этому.

«Только бы не провраться с буквой „ять“, – мысленно подбадривал себя Кира, – а диктовка сама по себе легонькая, пустяки!»

Около Киры сидел худенький, прозрачно-бледный мальчик с синими, ласковыми глазами. Писал он старательно, высунув язык и переводя его то и дело из

одного угла рта в другой. Видя, что Кира на него смотрит, мальчик спрятал язык, вспыхнул до ушей, потом покосился снова на Киру и кивнул ему головою:

– Меня зовут Алей Голубиным, – произнес он нежным детским голосом. – А тебя?

Счастливчик не успел ответить. Маленький человечек в вицмундире кончил диктовать и отбирал листки с написанным.

Начались устные экзамены. Мальчиков вызывали к столу, спрашивали их по русской грамматике, арифметике и Закону Божьему. Заставляли читать по какой-то толстой книге и рассказывать прочитанное своими словами.

Кирина сосед был вызван одним из первых. Он обдернул курточку и, красный от смущения, подошел к столу. Там уже отвечал стриженный, плохо одетый, краснощекий толстяк, назвавший там, в приемной, Счастливчика «куклой». Краснощекий мальчик отвечал прекрасно, отчетливо, громко, уверенно и смело поглядывал на всех своими серыми, смеющимися глазами.

– Хорошо, очень хорошо! – одобряли его сидевшие за столом директор, инспектор, батюшка и учителя.

Потом краснощекий прочел по желанию учителя басню «Зеркало и обезьяна», прочел такими ужимками и забавным выражением, что все за столом

невольно рассмеялись.

И мальчики смеялись тоже. Уж очень забавным казался краснощекий.

– Раев! – услышал наконец Счастличик свою фамилию и затем еще две другие, и три названные мальчика очутились перед зеленым столом.

– Твое имя? – обратился директор к Кире.

– Счастличик.

За зеленым столом рассмеялись решительно все.

Учитель математики подхватил Киру и усадил его к себе на колени.

– Ну-с, маленький Счастличик, скажи-ка нам, сколько будет шестью семь?

– Сорок два! – подумав секунду, отвечал Кира, трянув головою по привычке.

– А восемью девять?

– А пятью восемь?

– У одного мужика было шесть десятков яблок, у другого на тридцать пять штук меньше; сколько было у обоих?

Счастличик решил, сколько было у обоих, и поделился своим решением с учителем. Тот назвал его молодцом, погладил по головке и отправил экзаменоваться к батюшке. Священник взглянул сначала очень строго через очки на нарядного, в бархате и кружевах, с длинными кудрями мальчика, но, встретив яс-

ный, открытый взгляд больших, серьезных и сосредоточенных глазёнок, сразу смягчился.

– Что ты знаешь о сотворении мира, малыш? – спросил он Киру.

– Господь Бог, по своей доброте, в шесть дней из ничего сотворил все, чем мы любимся. По одному его слову явилась земля и солнце и все, все в мире, – стал рассказывать Счастливчик.

...Потом «толстенький», учитель грамматики, забрасывает Счастливчика целым градом вопросов:

– Что такое имя существительное? Прилагательное? Глагол? Наречие?

Счастливчик все это знает и отвечает прекрасно. Вот только наречие... Что это такое? Для него, Счастливчика, это совсем, совсем чужое, незнакомое слово. О наречии он еще ничего не слышал.

– Мик-Мик мне о наречии ничего не говорил, и я не знаю, что это такое! – откровенно признается учителю Счастливчик и широко раскрывает от недоумения свои, и без того огромные, глаза.

За зеленым столом раздается взрыв веселого смеха.

Счастливчик обводит присутствующих удивленным взглядом. Разве он сказал что-нибудь забавное, что все они так смеются?

– Да сколько же лет этому карапузику? – обраща-

ется директор к инспектору, присевшему с ним рядом, так как его прежнее место продолжает быть занято Кирой.

Счастливец сам, лично, заявляет, что ему с весны стукнуло девять. И опять все смеются добрым, ласковым смехом.

Потом учитель математики берет снова его за руку и ведет в приемную.

– Вот вам ваше сокровище! – говорит он, сдавая Счастливика ожидавшим его с большим нетерпением бабушке и Мирскому. – Поздравляю вас, сударыня. Мальчуган выдержал экзамены на славу. Одним из первых. Одно только: наречия не знал, да и то чистосердечно сознался, что Мик-Мик его не учил этому.

– Совершенно верно, не учил, – расхохотался Мирский, – я думал – не надо, так как это не значилось в программе.

– А в диктовке сколько ошибок, Кира? – сразу принимая озабоченный вид, осведомился Мик-Мик.

– Ни одной, насколько я помню! – отвечал за мальчика учитель.

– Ой, да какой же вы молодчинище! Не осрамил! Спасибо! – окончательно развеселился Мик-Мик. – Дайте мне пожать вашу благородную лапку.

Счастливец дал пожать свою маленькую ручку Мик-Мику, который потряс ее довольно основательно.

– 21-го молебен, а 22-го классы начинаются, – подойдя к бабушке, проговорил инспектор, вышедший из зала. – Ваш внук принят, сударыня, в первый класс. Можете заказывать ему форму. Экзамены он сдал прекрасно!

И строгие черты инспектора приняли доброе выражение, а худая рука его ласково потрепала щечку Кирь.

О, какую дивною музыкою прозвучали эти слова в ушах Счастливого!

Ему можно шить форму! Он – гимназист! Довольное лицо Мик-Мика, улыбающееся – инспектора, влажные от слез глаза бабушки – все смешалось. Счастливчик точно сквозь сон помнит, как поздравил его с поступлением в «емназию» с козел с широко осклабившимся лицом кучер Андрон, как сели бабушка с Мик-Миком в коляску, как он, не чуя себя от радостного возбуждения, поместился между ними, как прямо с места взял Разгуляй, как они помчались по петербургским улицам, сияющие и счастливые, все трое.

Вот и милый, большой, белый бабушкин особняк, тенистый сад, крыльцо, дверь, улыбающийся во весь рот встретивший их Франц, сияющие лица няни, monsieur Диро, Ляли, Симочки.

– Ну, что? Как?

– Выдержал! Выдержал! Прекрасно! – громко заяв-

ляет бабушка, и тут же чуть ли не в сотый раз принимается благодарить Мик-Мика.

Потом все бросаются к Кире, целуют, поздравляют его.

– Гимназист! Маленький гимназист! Милый, славный, маленький Счастличик!

За завтраком все сидят с торжественными лицами, точно на именинах. Симочка, уписывая за обе щеки вареники с сахаром, шепчет Кире:

– Приходи в твою детскую, Счастличик, я тебе приготовила за это утро маленький сюрприз.

Сюрприз? Она? Симочка? Скорее, скорее кончайся же, завтрак! У Симочки лукаво-непроницаемая рожица, а глаза так и искрятся.

– Вот увидишь! Вот увидишь! – шепчет она и задорно смеется. – Очень, очень занятный сюрприз!

Окончен завтрак. Дети стремглав летят в детскую, как на крыльях летят. Симочка влетает первая и прямо к клетке.

– Коко, попочка, кто пришел? – выкрикивает она звонко на всю комнату.

Коко поворачивает голову от чашечки с подсолнухами, которыми он только что наслаждался, раскрывает свой крепкий клюв и очень ясно и толково произносит только что заученную им, очевидно, фразу:

– Гимназист пришел! Гимназист пришел! Здрав-

ствуй, гимназист!

– Вот видишь, видишь! Это я ему все утро вдалбливала, – хохочет Симочка и бьет в ладоши, потом ураганом вертится по комнате и визжит от восторга.

Счастливчик сияет. Счастливчик радуется, как майское утро. Это лучший день в жизни Счастливчика! Ах, как славно, как хорошо, как весело жить! А Коко без умолку заливается в клетке:

– Гимназист пришел! Гимназист пришел! Здравствуй, гимназист!

ГЛАВА VII

Только восьмой час утра, но в гостиной целое заседание. Впрочем, в эту ночь почти никто не спал от томительного ожидания. Сегодняшнее утро очень важное утро. Сегодня Счастливику отправляют в гимназию в первый раз. Собственно говоря, прошла уже целая неделя со дня молебна в гимназии, целая неделя уроков. Мальчики, поступившие вместе со Счастливиком, уже целые семь дней посещали классы, но Кира едет туда сегодня только впервые.

Как это случилось?

Очень просто. На другой день после молебна в гимназии Кира слегка простудился и схватил насморк. Еще бы, в большом зале на молебне так дуло! Бабушка сразу заметила это и сказала monsieur Диро. Но что должен был сделать monsieur Диро? Двери постоянно открывались, воспитатели, начальство и дети то и дело входили и выходили в коридор, а из коридора несло холодом, как из погреба или из подземелья. Кира чихнул раз на молебне, раз в швейцарской, когда его одевали, раз по дороге домой в коляске... И этого было достаточно, чтобы бабушка тут же испуганно проговорила:

– Простудился! Боже мой! Вы слышите, он чихает,

monsieur Диро! Он простудился!

И решила тут же:

– Нет, нет, пока у тебя, Счастличик, не пройдет насморк, я не пущу тебя в гимназию ни за что.

А дома – постель, горячая малина, хина, скипидар со свиным салом – все это дождем посыпалось на Киру.

Насморк соблаговолил пройти только через неделю, и только через неделю Счастличику удалось обратиться в гимназию.

Вот он стоит посреди гостиной, тоненький, стройный, миниатюрный. Новенький гимназический костюм его сделан из тончайшего сукна и на заказ у лучшего портного. Сапоги – черные, изящные – блестят, как зеркало. Ременный пояс, белый воротничок и фуражка в руке. Няня держит пальто наготове, Симочка – новенькие, резиновые калоши, хотя на дворе теплый, сухой, почти жаркий сентябрьский день и в калошах нет никакой надобности.

У всех умиленные лица: у бабушки, у няни, у monsieur Диро. Симочка сияет всей своей плутоватой рожцей и тихонько шепчет, так, чтобы никто не слышал, кроме Киры:

– Гимназист – синяя говядина! Синяя говядина!

Симочка узнала откуда-то, что так гимназистов дразнят из-за синих мундиров.

Звонок в передней. В переднюю стрелой несется Франц.

– Это Михаил Михайлович! – говорят бабушка и няня в один голос.

– Это Мик-Мик! – весело кричит Счастливчик.

Действительно, это Мик-Мик. Он входит красный, веселый, смеющийся.

– Надеюсь, я не явился слишком рано?.. Впрочем, вероятно, все на ногах еще со вчерашнего дня?

И вдруг лукавые, сощуренные глаза широко раскрываются при взгляде на Счастливчика. На лице Мика появляется самое красноречивое удивление, почти ужас.

– Локоны! Локоны! Локоны! – с испуге роняет Мирский. – О, разве можно быть гимназисту с локонами! – и, схватившись за голову, Мик-Мик раскачивается из стороны в сторону, точно у него страшно разболелись зубы.

– Что? Что такое? – пугается бабушка.

– Кудри-то, кудри вы ему забыли срезать! – продолжает раскачиваться Мик-Мик. – Ведь это не гимназист, а девчонка какая-то, поймите! – выходит он из себя.

– Ну, уж выдумали тоже... Гимназист, конечно, и даже очень хорошенький гимназист! – обижается за Киру бабушка и целует своего любимца.

– Нет, так нельзя идти в гимназию. Товарищи про-

хода не дадут, прозовут болонкой, левреткой, бараном, – волнуется Мирский, – да и от инспектора влетит Счастливику за такую прическу. Симочка, – живо обращается Мик-Мик к девочке, благоволите принести из спальни ножницы, отменная девица!

«Отменная девица» «ныряет» куда-то в дверь и стрелой возвращается снова в гостиную.

– Вот вам ножницы, Михаил Михайлович! – говорит она, с обычными плутоватыми огоньками в глазах протягивая просимое.

– Не дам уродовать Киру, не дам! – вдруг энергично протестует бабушка, как только вооруженная ножницами рука Мик-Мика приближается к белокурой головке Счастливика.

– Понятно, барыня-матушка, не давайте! С какой это радости ребенка портить вздумали! – поддерживает бабушку и няня, кидая сердитый взгляд на студента.

– Оставьте, оставьте! – волнуется на французском языке и monsieur Диро.

Мик-Мик пожимает с досадой плечами.

– Господи, да простится им! Сами не ведают, что творят! – шепчет он, поднимая с комическим видом глаза к небу.

Локоны Киры спасены...

ГЛАВА VIII

– Маленького барина барышня просят... Франц говорит это и улыбается, глядя на Киру сияющими глазами – любит ее им. Франц любит Киру, как и все любят в этом доме милого, ласкового, мягкого Счастливлчика, решительно все.

– Ступай, ступай к Ляле, дитя. Она не может проводить тебя так рано, она в постели, – и бабушка не в силах удержаться, чтобы не поцеловать еще раз белокурую головку.

Темным, широким коридором, на дальнем конце которого день и ночь светится электрический фонарик, Счастливлчик идет к сестре. Вот направо дверь ее комнаты.

Кира останавливается, стучит пальчиком:

– Можно войти?

– Войди, войди, милый, милый Счастливлчик!

Ляля лежит в постели, такая худенькая, бледненькая, хрупкая, как белый нежный тепличный цветок. Она спит мало от недостатка движения, как и всякая калека, но встает поздно. День и без того кажется таким длинным для бедняжки, – она ведь почти не может ходить.

Аврора Васильевна, в темном платье, причесанная

и одетая с самого раннего утра, точно она вовсе и не ложилась, протягивает Кире худую холодную руку.

– Здравствуйте, голубчик. Вот вы и гимназист и, надеюсь, порадуете нас вашими успехами. Правда?

Аврора Васильевна пожимает Кире тоненькие пальчики, точно взрослому, и выходит из комнаты, улыбнувшись на прощанье своей холодной, спокойной улыбкой.

Ляля и Счастливчик одни.

Девочка садится на постели, протягивает руки. Ее огромные, черные глаза смотрят с минуту восхищенным взглядом.

– О, какой ты красавчик, Счастливчик! Какой красавчик!

Она любит Кирой, кладет ему на плечи свои тоненькие прозрачные руки. Слезы, как капельки бриллиантов, блестят, переливаясь, в ее темных, как угли, зрачках.

– Милый маленький Кира! Милый маленький гимназистик! Крошечка родной! Если б тебя видели покойные мама с папой! О, как бы они полюбовались тобой! Милый, милый, малюсенький мой!

Она обнимает мальчика. Кира прижимается к ней. На минуту брат и сестра смолкают застыв в тесном, крепком объятии.

Потом Ляля чуть-чуть отстраняет братишку. Ее гла-

за принимают серьезное, вдумчивое, почти строгое выражение.

– Слушай, Счастливчик, – говорит она серьезным, торжественным голосом. – Мама и папа наши умерли... Но оттуда (тут Ляля подняла свой тоненький пальчик кверху), оттуда они видят все. Ты не огорчишь их никогда, не правда ли, Счастливчик?.. Ты вступишь в новую жизнь. Помни одно, маленький: никогда не лги, старайся хорошо учиться, помогай другим, чем можешь. Да?

Глаза Ляли загораются близко-близко от глаз Счастливчика.

– Да, обещаю тебе это, – роняет мальчик тихо, но уверенно, и открытым, честным взглядом смотрит на сестру.

– Мама и папа благословили бы тебя сегодня. Я сделаю это за них, – говорит Ляля, – встань на колени, Счастливчик.

Мальчик повинуется. Белокурая головка склоняется к постели сестры. Льяные локоны рассыпаются по одеялу.

– Господи! Помилуй моего брата Киру и помоги ему хорошо учиться и радовать нас! – шепчут бледные губки Ляли.

И она осеняет склоненную головку маленьким образком, только что снятым со стены. Потом образок

этот вешает на шею Счастливику, рядом с золотым крестильным крестом.

– Ну, а теперь с Богом, ступай! До свиданья, Счастливчик! И со слезами на глазах, но со счастливой улыбкой, Ляля в последний раз целует брата.

И то пора...

– Время ехать, Счастливчик! – пискнул знакомый голосок под дверью.

Это Симочка. Ее прислали сюда из гостиной – поторопить нового гимназиста.

– Сейчас! Иду! Иду!

В горле Счастливику щекочет что-то. Хочется заплакать и целовать еще и еще, бесконечное число раз милую, добрую, кроткую Лялю. А на душе так тихо, радостно и светло-светло, как в праздник Пасхи, совсем, совсем как тогда...

– Сейчас, сейчас!

С сожалением покидает мальчик уютную, славную спальню сестры.

Черные, горящие теперь, как две свечи, большие глаза Ляли провожают Киру любящим взором до самой двери.

Под дверью стоит Симочка. Она подглядывала в замочную скважину, что делалось в спальне. Ее глаза так и сверкают любопытством.

– Она тебя благословила! Я видела!.. – уверенным

тоном заявляет она.

– Подсматривать очень дурно! – строго говорит Счастливец и грозит пальцем.

– Вздор! – смеется Симочка. – Ну, бежим скорее. Не то опоздаешь! Бабушка беспокоится – страсть! – и, схватив за руку Счастливика, она несется с ним по коридору, напевая тихонько:

Вот мчится пара удалая
Вдоль по дорожке столбовой...

Ураганом «удалая пара» врывается в гостиную.

– Счастливец, можно ли так долго! Ведь опоздаешь! – сыплется на мальчика град упреков.

– Смотрите, Кира, как бы вам за это не сняли вашу кудлатую головку! – хохочет Мирский.

– Сядем, сядем! По русскому обычаю сесть нужно! – волнуется бабушка.

Все садятся. Бабушка с Кирой и Симочкой на диване. Monsieur Диро в кресле рядом, няня на кончике стула у дверей. На другом стуле, тоже на кончике, Франц. Мик-Мик с размаху плюхается на табурет у рояля, открывает крышку инструмента и начинает барабанить на клавишах какой-то чрезвычайно шумный и торжественный марш. Старшие шикают на него и машут руками:

– Разве можно играть в такую серьезную минуту!

Мик-Мик поневоле замолкает, делает круглые страшные глаза по адресу Симочки, которая фыркает от удовольствия, и преважно разваливается в кресле. Проходит минута. Все встают, крестятся на большой образ в углу гостиной. Потом бабушка крестит и целует Киру, точно он едет бог знает куда, на край света, в южную Америку, в гости к индейцам. Няня плачет, а monsieur Диро что-то подозрительно долго сморкается в углу.

Мик-Мик тоже извлекает платок из кармана, закрывает им лицо и начинает всхлипывать на весь дом, причитывая в голос, как деревенская баба:

– Не уезжай, голубчик мой, не покидай поля родные!

Это так смешно, что нельзя не смеяться. И все невольно смеются веселой выдумке. Симочка – громче всех.

Франц исчезает куда-то и через минуту появляется с объемистой корзиной в руках.

– Это еще что такое? – спрашивает Мик-Мик, делая удивленные глаза.

– Завтрак-с!.. – слышится невозмутимый ответ Франца.

– Какой завтрак? – недоумевает Мир-ский. Корзина большая, фунтов на пять; какой и кому может быть ту-

да положен завтрак? Франц поясняет «господину студенту»:

– Барыня приказали уложить для молодого барина завтрак в емназию. Здесь Скобелевские битки в судке с гарниром, в этом углу осетрина под соусом майонез, и еще компот в стакане и груша... А в бутылочке – горячее какао; оно обернуто в вату, чтобы не остыло.

– Ха, ха, ха, ха! – раздражается смехом Мирский, – да что вы меня уморить хотите, что ли? Завтрак из трех блюд в гимназию! Да еще горячее какао! Да когда и где его ваш Кира съест сумеет?

И Мик-Мик буквально падает в кресло от обуявшего его смеха. Бабушка в смущении. Няня в обиде.

И что вы, мой батюшка, и где это видано, чтобы ребенку есть не давали! – ворчит она, кидая недовольные взгляды на студента.

– Да поймите вы, старушка божья, ведь с таким запасом на новую Землю, на необитаемые острова, к голодающим в Индию ехать впору! – горячо протестует Мирский. – Кире бутерброд с телятиной или котлетку холодную довольно взять с собою.

Но тут уже вступается бабушка.

– Всухомятку-то! Чтобы животик заболел! Голодом морить прикажете его! Слуга покорная, я слишком люблю моего Счастливику! Да и пилюли ему надо принимать перед завтраком. Как же он перед едой

всухомятку пилюли принимать станет?

– Франц, – неожиданно приказывает бабушка, – вынеси корзину в пролетку и поставь на козлы в ноги Андрону.

Мик-Мик безнадежно машет рукой, потом оборачивается к Счастливику:

– В добрый час, Кира! Желаю успеха. Помните мои слова: «быть маленьким мужчиной», – и он крепко сжимает щупленькую ручку мальчика. Monsieur Диро берет за руку Киру и ведет на крыльцо. Все провожают мальчика и гувернера.

Бабушка стоит у окна гостиной и машет платком.

– С богом, с богом!

Мик-Мик на крыльце корчит презабавную гримасу. Симочка заливчато смеется. Няня крестит вслед пролетку, на которой уже сидят Счастливик и обнявший его за талию monsieur Диро. Вдруг остановка. Кричат, машут руками, волнуются на крыльце. Франц стрелой выносится.

– Пилюли изволили забыть! Барыня приказали, чтобы непременно скушать одну перед завтраком.

– Хорошо, хорошо!

Андрон подбирает вожжи. Разгуляй встряхивается и сразу быстрой иноходью берет от крыльца. Уже на всем ходу протягивает руку Франц и сует Счастливику аптечную баночку с пилюлями, которые он обяза-

тельно принимает перед завтраком и обедом.

Счастливчик приподнимает фуражку, глядит в окно, в котором видна седая голова бабушки, улыбается и кивает головой. – В добрый час, Счастливчик, в добрый час!

ГЛАВА IX

Шум, гвалт, крик, суета...

В первую минуту Счастличик совсем глухнет от этого шума. Глаза его плохо различают, что происходит вокруг... Он только что вошел сюда с классным наставником, переданный ему с рук на руки monsieur Диро. Сам monsieur Диро уехал домой, обещав снова вернуться к двум часам, к концу уроков, а классный наставник повел Счастличика в класс.

В классе точно нашествие неприятеля – такая возня и суматоха. Классный наставник, худенький, тщедушный, болезненного вида, еще молодой человек, с сердитыми глазами, кричит с порога:

– Сейчас молчать! Если не замолчите, буду записывать!

Шум несколько стихает. Но возня продолжается. Мальчики прыгают по скамейкам, наскоро роются в ранцах, вынимают книги, кладут их на учебные столы... Этих учебных столов в классе очень много. Называются они партами. Кроме парт Счастличик замечает посреди класса большую кафедру для учителя, черные доски, на которых пишут мелом уроки и задачи, глобус в углу, на стенах карты, пол, залитый чернилами, и электрические лампочки с матовыми кол-

паками, спускающиеся с потолка. В углу висит образ Николая Чудотворца. В другом углу, около большой изразцовой печки, стоит ящик для мусора. В третьем углу – шкаф со стеклянными дверцами и зеленой занавеской, так что не видно, что спрятано в нем.

Счастличик охватывает всю обстановку класса одним взглядом. Потом глаза его разбегаются... Мальчики, мальчики и мальчики! О, сколько их здесь, в классе!

– Слушай, Раев, – говорит классный наставник Счастличику, – у тебя невозможные волосы; завтра же изволь наголо обстричь эти вихры.

И он презрительно окидывает недовольным взглядом чудесные длинные, белокурые локоны Счастличика.

«Раев!», «Изволь завтра же!», «Вихры!»

Какие новые необычные слова для Киры!

Никто еще, никто в жизни не говорил с ним так холодно и строго!

Большие черные глаза Счастличика поднимаются изумленно на классного наставника, но он уже далеко, его нет в классе. Только из-за двери доносится его надтреснутый, раздражительный голос.

– Через десять минут молитва, – обращается он к мальчишкам, – извольте одни стать в пары и идти в зал. Мне надо видеть инспектора.

В минуту Счастливчик окружен тесным кольцом черных курток и любопытных лиц его новых приятелей.

– Вот так новичок! – звучит задорный голос над самым ухом Счастливчика. – Ждали мальчика, а он, на-те-ка, девчонка!

– Не девчонка, а овца! Овца... Бэ-бэ-бэ-бэ!

– Просто лохмач какой-то!

– Овчарка!

– У моей сестры точно такая кукла! Нечесаная!

– Здравствуй, Перепетуя Акакиевна! Длинноволосяя девица!

Голоса звенели весело, выкрикивали звонко.

Кольцо мальчиков сжималось все теснее и теснее вокруг онемевшего, оторопевшего Счастливчика. Изумленный, растерянный, но не испуганный нимало, Счастливчик только окидывал окружающих его мальчиков своими огромными черными глазенками, точно спрашивая, что им всем надо от него.

Мальчики не унимались. То здесь, то там слышались восклицания:

– Клоп какой-то!

– Лилипут! Карлик!

– Блоха!

– Козьявка!

– Братцы, да это тот самый, что так смешно у Ариф-

метики экзаменовался!

– Ей-ей, он самый!

И не успел он ничего ответить на их дерзости, как чьи-то руки крепко охватывают его около ушей, и Счастличик в одну секунду поднимается в воздух.

Ему очень больно. Сильные руки мальчика схватывают его так неприятно прямо за уши. И шее больно. Словом, положение далеко не из приятных.

– Вот тебе Москва! Вот тебе Москва, златоглавая Москва! – кричит Кире резко в самое лицо высокий мальчик.

– Оставь сейчас же новенького в покое! – раздается в тот же миг звонкий, сильный голос, и из-за спин товарищей выскакивает плечистый, рослый крепыш с румянцем во всю щеку и с широким, открытым лицом. – Слушай, Подгурин, если ты тронешь еще раз малыша, я тебе так залимоню!

И тут краснощекий порывисто схватывает за ухо высокого мучителя Киры и, раскачивая его, приговаривает:

– Вот тебе, вот тебе, я тебе залимоню!

Слезы мгновенно застлали большие черные глаза Киры.

– За что? За что они мучают меня? – вихрем пронеслось в его головке, и ему нестерпимо захотелось домой, назад, к бабушке, Ляле, няне, туда, где все так

любят, нежат и ласкают его, Киру.

Краснощекий Помидор Иванович заметил слезы.

– Пожалуйста, не реви, малыш, – произнес он дружески, хлопнув по плечу Киру и, повернувшись с живостью к товарищам, он поднял кулак, внушительно потряс им в воздухе и крикнул:

– Кто из вас посмеет тронуть малыша, тому я такой фонарь поставлю, что на всю гимназию светло станет! И это так же верно, как то, что зовут меня Иван Курнышов!

ГЛАВА X

Прозвучал звонок к молитве.

Появился старенький, седенький, подслеповатый воспитатель, которого вся гимназия поголовно звала Дедушкой, и повел мальчиков в залу на молитву.

Курнышов очутился в зале позади Счастливича и зашептал ему в затылок:

– Эй, ты, Лилипутик, ты не бойся наших ребят... Небось теперь не полезут!.. Кулаки у меня здоровенные, что твое железо. Заступлюсь так, что небу жарко станет. Только не плачь. Терпеть не могу ревунов и кисляев. Слышал?

Счастливик обернулся, взглянул на шептавшего мальчика и тут только заметил, что лицо его ему очень знакомо. Ну да, конечно, знакомо!..

– Вспомнил! Вспомнил! – поймал себя на мысли Счастливик. – Это тот самый мальчик, который называл меня в день экзаменов лохматой собачонкой.

И Кира внимательным взглядом оглядел нового друга, так неожиданно выступившего в качестве его защитника. Светлые, ясные глаза, вздернутый нос, весь в веснушках, наголо стриженная голова, румянец, алые, как мак, отдувающиеся от толщины щеки, широкие, сильные и крепкие плечи – вот что увидел

Счастливичик позади себя.

Кира не знал, нужно ли ему ответить что-нибудь на вопрос мальчика или нет, но в это время раздался голос старого воспитателя:

– Тише! – и все смолкли.

Около Киры с одной стороны стоял небольшой рыженький мальчик с постоянно подмигивающими подслеповатыми глазками, усердно чистивший себе пуговицы вместо того, чтобы креститься настоящим широким крестом.

– Как тебя зовут? – услышал Счастливичик вопрос подслеповатого мальчика и не успел ответить, как тот добавил просящим шепотом:

– Если у тебя есть перья, марки, пузырьки, разные старые замки, тетрадки, ты, пожалуйста, мне их давай – я собираю.

– Гарцев! Попрошайка! Он всякую дрянь, как сорока, в свое гнездо тащит! – услышал с другой стороны Кира, живо обернулся и увидел красавца-мальчугана, синеглазого, темнокудрого, с белыми, сверкающими в добродушной улыбке зубами, с розовым личиком и пленительными ямками на щеках.

– Меня зовут Ивась Янко. Будем знакомы! – произнес, протягивая Кире маленькую, белую руку, красивый мальчик. – По прозвищу Хохол, потому что я родился в Ромнах, в Малороссии. Понял?

Счастливчик мотнул головой вместо ответа и хотел было заговорить с синеглазым мальчиком, но неожиданно кончилась молитва, подошел воспитатель и повел мальчиков в класс.

ГЛАВА XI

На большой черной доске в классе было написано мелом: «Первый урок – арифметика, второй – закон божий, третий – пение, четвертый – география, пятый – русский». А внизу детскими каракулями значилось: «Шестой – китайский язык на японском наречии, а потом... от ворот поворот, марш по домам, приказал начальник сам».

Мальчики читали расписание уроков и, дойдя до шутки, смеялись.

– Это Янко! Непременно Янко! Он последний вышел из класса! – горячился Подгурин.

– Ну, ты, Верста, потише!.. Длинный, в потолок ушел, а такого простого правила не знаешь, чтобы не выдавать товарища, – грозно прикрикнул на него как из-под земли выросший Помидор Иванович.

– Мужик! Сапожник! У него отец сапожник! – презрительно крикнул Подгурин.

– Мой папа прежде всего честный рабочий человек, – горячо вырвалось из груди краснощекого Курнышова. – И я могу только гордиться таким отцом. – А чтобы ты много не разговаривал, так вот тебе!..

В одну минуту Подгурин очутился на полу, а на его спине восседал, как всадник на лошади, Ваня Курны-

ШОВ.

– Гоп-ля! Гоп-ля! – слегка пошлепывая свою жертву, покрикивал он. – Скверный ты, братец мой, конь, никакой у тебя нет рыси.

– Пусти! Пусти! Помидор! Мужик! Сапожник! – злился и барахтался, весь красный от тщетных усилий освободиться, Подгурин.

Дверь растворилась. На пороге класса остановился маленький худой классный наставник, которого Кира уже успел узнать в первые минуты появления в гимназию.

Он прищурился на живую барахтающуюся на полу кучу и сердито, краснея, крикнул:

– Подгурин! Курнышов! Оба марш в угол! Не умеете себя вести в классе!

Оба мальчика, сконфуженные, направились к доске, где небольшого роста худенький дежурный Голубин, бледненький, тихонький, с задумчивыми глазами мальчик, сосед Киры на экзамене, усиленно стирал губкой надпись об японском наречии и китайском языке.

Новый звонок. И в класс вошел тот самый учитель арифметики, Владимир Александрович Аристов, который водил Киру экзаменоваться. Он сразу заметил хорошенькое личико Счастливого и белокурые локоны, и всю его изящную тоненькую фигуру, нерешитель-

тельно топтавшуюся посреди класса.

– А-а! Старый знакомый! Счастливчик, здравствуй! – радушно проговорил он, ласково кивнув мальчику головой.

– Он, Владимир Александрович, не Счастливчик, а Лилипутик! – слышался задорный голос с задней скамейки.

– Просто овца – бэ-бэ-бэ! – вторил ему другой.

– Длинноволосая девчонка! – надрывался третий.

– Лохмач! Овчарка! Перепетуя Акакиевна! – забасил было Подгурин у доски и вдруг пронзительно взвизгнул на весь класс.

Это Помидор Иванович изловчился и ущипнул его за руку.

Добродушное лицо Владимира Александровича приняло строгое выражение.

– Эй, вы, почтенная публика в райке, тише! – крикнул он недовольно. – Как не стыдно вам новенького обижать! И еще такого крошку! Подгурин, Курнышов, смирно стойте, раз вас поставили караулить казенное имущество, то есть доску. А чтобы не терять драгоценного времени, ты, Подгурин, бери мел и пиши задачу: «У одного крестьянина было восемь мешков муки...»

Владимир Александрович продиктовал задачу и велел ее решить Подгурину. Последний пыхтел, крях-

тел, писал и стирал написанное. Ничего не выходило.

– Не могу! – наконец, весь малиновый от напряжения, признался Подгурин.

– Не можешь? А задача-то старая. Третьего дня решали. Неужели все позабыл? – сердито ронял учитель. – Новенький, реши, – неожиданно обратился он к Кире.

Кира, которого Дедушка только что усадил подле маленького Голубина на скамейку, подошел к доске и взял мел в руки.

Задачу он понял сразу и решил быстро.

– Молодец, новенький! – произнес с одобрительной улыбкой учитель. – Пятерку получишь... А ты, Подгурин, стыдись. Второй год сидишь в классе, а толку мало.

Подгурин, насупившись, стоял у доски и смотрел на Счастливого злым и завистливым взглядом.

– Овца противная! Лохмач! Девчонка! Ужо припомню тебе! – шептал он тихо, чуть слышно, но с таким сердитым блеском в глазах, что Счастливчик вздрогнул невольно. Он не привык, чтобы на него так смотрели.

Потом решали задачу все мальчики в классе, сидя на местах, до тех пор, пока не дрогнул звонок в коридоре и служитель не распахнул дверь класса в знак окончания урока.

В перемену, пока в классе открывали форточку и проветривали воздух, Счастливчик гулял по коридору с Янко, хорошеньким синеглазым Хохлом, и со своим новым соседом, тихоньким Голубиным.

– Завтра ты приходи стриженный, слышишь? – наказывал Счастливчику Янко. – А то совсем тебя засмеют. Сам видишь, да и от инспектора достанется. Локоны в гимназии не полагаются.

А тихонький, как девочка, Голубчик, как называли в классе Голубина за его кроткий, безобидный нрав, добавил:

– И ты подальше держись от Подгурина и Бурьянова. Они очень дурные.

– Второгодники, задиры и подлипалы, – вставил свое слово Янко и, ударив себя по ноге, как заправский конь, помчался вприпрыжку по всему коридору.

– Ты мне очень нравишься, – произнес снова тихонький Голубин, когда Хохол был далеко. – Я тоже маленький, почти такой же, как и ты. Вот бы хорошо нам подружиться и хо...

Голубин не закончил своей фразы: кто-то сильно толкнул его в бок прямо на Счастливчика. Голубин и Счастливчик стремительно полетели на пол.

– Ха, ха, ха, ха! – раздался над ними веселый злой хохот. – На другом-то месте не сумели шлепнуться, где посуше! – хохотал Подгурин, а за ним его това-

рищ Бурьянов, тоже оставшийся на второй год в первом классе, ширококостный, приземистый, похожий на калмыка или татарина, с насмешливым лицом и черною, как смоль, головою.

Счастливчик с трудом поднялся, потирая колено, которое он больно ударил об пол. В глазах Голубина стояли слезы.

– Вот они всегда так! Ах, какие злые, какие злые! – произнес он с укором.

Оба второгодника заливались громким смехом на весь коридор.

ГЛАВА XII

– Маленькому барину фриштык принес! – произнес, с широкой улыбкой на лице, гимназический сторож Онуфрий, которого «старшие» прозвали Президентом за его внушительный вид и умное лицо.

И Президент окинул Киру ласковым взглядом, ставя на стул у дверей объемистую корзину с завтраком, привезенную из дому Счастливым и monsieur Диро.

После арифметики следовал урок закона божьего, во время которого батюшка не спрашивал никого, а рассказывал то, что надлежало выучить к следующему разу. Потом было пение. Для пения мальчиков повели в зал. Преподаватель пения, ударяя пальцем по клавишам рояля, приказывал гимназистикам тянуть голосом за каждой нотой, издаваемой инструментом.

Еще пели по нотам: «до, ре, ми, фа, соль, ля, си» и обратно. Этот урок понравился Счастливику: было весело и нетрудно тянуть голосом вместе с другими. Теперь наступила большая перемена. Мальчики завтракали: кто – у себя на скамейке кто – у окна. Завтраки у них были простые и несложные: у кого – булка с ветчиной, у кого – кусок колбасы, у кого – бутерброд с холодной котлетой или просто ку-

сок вчерашнего пирога. Был и десерт: яблоки, леденцы, сухое пирожное. Некоторые ушли пить чай вниз, в раздевальную. Скромные завтраки эти приносились в уголке ранца или в кармане, тщательно завернутые в бумажку заботливыми родными, матерями, воспитательницами, прислугой. Немудрено поэтому, если появление громадной корзины с «фриштыком» произвело суматоху среди закусывающих мальчиков. Все мгновенно позабыли о собственной еде и сгруппировались вокруг стула, на котором стояла злополучная корзина с «фриштыком».

Впереди всех очутился Подгурин.

– Братцы! Да здесь на всю артель прислано! – крикнул он весело и, потирая руки, схватился за бечевку, которой была перевязана корзина. – Славное, значит, выйдет угощение!

– Не надо трогать! Это не тебе! Это новенькому принадлежит! – прозвучал довольно смело обычно тихий и кроткий, а теперь взволнованный голосок Голубина.

– Ну, ты, шиш, потише! Так залимоню, что от тебя только мокро останется! – сердито крикнул Верста, как называли в гимназии за чрезвычайно высокий рост Подгурина.

– Не суйся, Голубчик, не в свое дело! – насмешливо остановил его, поблескивая своими калмыцкими гла-

зами, Бурьянов.

– Но нельзя же, нельзя брать чужое! – сильнее волновался Голубин.

– А тебе жаль, что ли? Да ты не бойся, малыш, мы не возьмем, мы только попробуем! – расхохотался Верста.

– Янко! Янко! Курнышов! Курнышов! – громко позвал Голубин обоих своих приятелей, самых благородных и рыцарски честных мальчиков из всего класса.

Но ни Хохла, ни Помидора Ивановича сейчас не оказалось в комнате. Вокруг корзины толпились по большей части приятели Подгурина и Бурьянова и были сами, очевидно, очень и очень не прочь узнать, что за обильный «фриштык» привез новенький из дому.

– Постой, я побегу искать Янко и Курнышова. Они заступятся, они не позволят им распоряжаться чужими вещами! – горячо воскликнул маленький Голубин и, отбежав от Киры, с которым не разлучался во все перемены между уроками, бросился в коридор отыскивать обоих мальчиков.

Счастличик остался стоять, спокойный по своему обыкновению, и невозмутимыми черными глазами следил за тем, что будет дальше с его корзиной.

ГЛАВА XIII

Следил, впрочем, не один Кира. Следило до десяти пар любопытных детских глазенок за тем, как под быстрыми руками исчезали веревка и бумага, обвязывающие и обматывающие огромный пакет.

Подгурин сорвал последнюю обертку.

– Вот те раз! Целое царское угощение! – произнес он восторженно и живо поднял крышку судка, в котором были тщательно уложены две куриные котлетки с гарниром.

Еще минута – и грязноватая, замазанная в чернилах, рука Версты потянулась к котлетам. Он вытащил их из судка, немилосердно пачкая себе в соусе руки, и отправил в рот.

– За ваше здоровье, ваше королевское величество! – комически раскланялся он перед Счастливым.

Начало было сделано. Вслед за одним угощением отведальсь и другие. Теперь уже не один Подгурин хозяйничал в корзине. Бурьянов тоже запустил в нее руку, открыл другую крышку и, вытащив порядочный кусок рыбы из другого судка, принялся уничтожать ее с завидным аппетитом.

Их примеру последовали и другие мальчики. Один

схватил бутылку с какао, уложенную самым тщательнейшим образом заботливыми руками няни, точно птица в гнездышко из ваты, и, отвернув пробку, вылил все содержимое бутылки себе в рот. Другой схватил грушу из корзины, третий – плитку шоколада, четвертый – компот в стакане... И в какие-нибудь пять минут от всех съестных запасов, привезенных Счастливым из дому, осталась всего-навсего одна пустая корзина.

– У вас дома всегда так здорово едят? – осведомляется Подгурин, облизывая губы.

– Что? – недоумевая, расширяет свои и без того огромные глаза Счастливчик.

– Вкусные, говорю, блюда такие у вас всегда готовят?

– Всегда!

– Ах, ты, хвастунишка! Дай ему щелчок по носу, кто стоит поближе! – хохочет Бурьянов.

– Нет, нет, подожди, Бурьяша, – смеется Подгурин, – мы его поисповедуем раньше. Пускай поврет.

И он делает такую лукаво-смешную физиономию, что все окружающие десять-двенадцать мальчиков фыркают со смеха.

– Я никогда не лгу, – серьезно говорит Счастливчик.

– Уж будто? – щурится Бурьянов. – Ей-богу, не врешь? А ну-ка, побожись, Лилипут-девчонка! Побо-

жись, что не врешь!

– Божиться грешно, – спокойно возражает Кира, – очень дурно божиться, особенно по пустякам.

– Ах, ты святоша! Божиться грешно, видите ли, а хвастаться не грешно, скажешь? – не унимается Подгурин.

– Я не хвастаюсь!

– Врешь! А ну-ка повтори, что у вас каждый день едят за завтраком такую рыбу, компот, котлеты.

– Да, у нас всегда такие завтраки! – спокойным тоном отвечает Кира, нимало не понимающий, почему к нему так пристаёт этот долговязый мальчик.

– И одет ты всегда так хорошо тоже?

– Как хорошо? – изумился Счастливчик.

– Ну, вот как на экзамене одет был: в бархате и кружевах, точно его величество, принц китайский! – со смехом бросает Подгурин.

– Я не видел, как одевается принц китайский, – тем же спокойным тоном говорит Счастливчик, – но бабушка любит, когда на мне бархатный костюмчик с кружевным воротником. Теперь я гимназист и носить его не буду больше. У меня форма, – заключает он не без доли самодовольства.

– Не форсись гимназистом! Не гимназист ты, а девчонка или просто лохматая собачонка, или овца! – сердито крикнул Бурьянов и неожиданно дернул

Счастливи-чика за его белокурые волосы.

– Ай! – вскрикнул Счастливичик. – Мне больно!

– Коли больно, не держи себя вольно, – захохотал

Бурьянов.

Другие мальчики вторили Калмыку, как они уже успели прозвать этого мальчика за его маленькие глаза и монгольские скулы.

– Эка неженка! Крикун! Волосок тронуть нельзя! Подумаешь тоже!

– Оставьте его, братцы! Я его живо от хвастовства отучу, – повысил голос Подгурин. – Эй, ты, левретка, овца, кукла нечесаная, – резко обратился он к Кире, – небось тебе бабушка на заказ костюм шила?

– Да, на заказ, – отвечал изумленный таким неожиданным вопросом Счастливичик.

– Ишь ты как! Фу ты, ну ты, ножки гнуты. А сапоги, поди, из кожи шевро?

– Право, не знаю.

– А белье? Тонкое, поди, дорогое, батистовое?

– Да, тонкое, – спокойно отвечал Счастливичик, – а что?

Он поднял свои большие серьезные глаза на Версту с молчаливым вопросом. «Что, мол, тебе за дело до моего белья и платья?» – казалось, спрашивали его глаза.

– Ага! Ты так-то! Хвастаться вздумал! Пыль нам пус-

кать в нос с первого же дня своим богатством! Так постой же ты у нас! Мы тебя проучим! – неожиданно громким голосом закричал Подгурин и, нагнувшись к уху Бурьянова, шепнул ему что-то.

– Ха, ха, ха, ха! – так и покатился со смеха Калмык. – Здорово придумал! Ай, да Подгурчик! Молодец!

– Эй, ты, Лилипут, снимай, брат, твою амуницию! – решительно проговорил Верста и крепко схватил одной рукой за плечи Счастливого, а другой изо всей силы рванул его за борт куртки. Две пуговицы на вороте отскочили от этого грубого движения. Тонкое сукно затрещало по швам. Мальчики захохотали, Подгурин и Калмык громче всех.

– Что вы хотите делать со мною? – теряя обычное свое спокойствие, испуганно вскричал Счастливчик, всеми силами стараясь запахнуть расстегнутую курточку на груди.

– Ничего особенного, миленький, – паясничая и корча обезьянью гримасу, пищал умышленно тоненьким голоском длинный Подгурин. – Раздеть тебя хотим. Ничего особенного, прелесть моя! Только костюмчик твой снимем, что бы ты не больно-то форсился своим платьем. Эй, Калмычок, помоги мне справиться с этим франтом! – не переставая смеяться, поманил Подгурин приятеля.

– Ха, ха, ха! – смеялись и прыгали вокруг них маль-

чики.

– Раздеть, раздеть, конечно! Ха, ха, ха, ха! Что, в самом деле, за хвостун выискался! Франт пике, нос в табаке! Форсило!

Счастливичик испуганным взглядом затравленного зверька окинул толпившихся мальчиков.

«Неужели это они, те самые, что только что угостились из его корзины? И ни одного ласкового, расположенного к нему не найдется между ними!.. Все очень весело и охотно принимают глупую, злую шутку этих двух гадких, злых второгодников. О, если бы можно было уйти домой! Сейчас домой!» – мучительно сжималось сердце мальчика, но желанию Счастливичика не суждено было осуществиться. Домой он ни в коем случае так рано попасть не мог.

Между тем несколько пар рук протянулось к нему, и Подгурин крикнул тоном, не допускающим возражений:

– Эй, Малинин, иди на стражу караулить дверь!

И черненький, как мушка, Малинин, мальчик лет одиннадцати, стремглав помчался к двери класса, выходящей в коридор.

Счастливичика окружили плотнее, схватили за руки, прижали к стене. Чьи-то проворные пальцы стали стаскивать с него куртку, пояс, сапоги, штанишки...

Через какие-нибудь пять минут у доски, вместо ма-

ленького гимназистика в куртке, стоял беленький, в одном нижнем белье, дрожащий, как лист, от холода и волнения, худенький кудрявый мальчик.

– Ну, вот, теперь ты и повар! Не хочешь ли приготовить нам обед? – хохотал Подгурин, дергая Счастливого за волосы, за рубашку, за пуговицы нижнего белья.

– Нет, нет, он не повар, а сенатор! Только сенатор без мундира! Честь имею приветствовать вас, ваше превосходительство! – вторил товарищу Калмык, становясь во фронт перед раздетым Счастливым и взяв руку под козырек.

– Ха, ха, ха, ха! Вот умора! Совсем, совсем оципанная левретка! Стриженная овца! Бе-бе-бе-бе! – неистовствовали другие гимназисты.

Счастливик стоял у стены, дрожа всем телом. Лицо его было бледно. Губы дрожали. Глаза были полны слез.

«Бабушка! Бабушка! Зачем ты меня отдала сюда на такую обиду, на такую муку!» – томился бедный мальчик.

Вдруг Подгурин неожиданно наклонился, схватил с пола валявшееся в куче платье Счастливого и, вскочив на парту, взмахнул рукою с костюмом и ловко забросил его на лампу, висевшую под потолком.

– Господа, кто желает купить с аукциона эти вещи? Дешево продам! – вскричал Калмык и волчком закру-

жился на одном месте.

В ту же минуту дверь класса широко распахнулась и карауливший ее Малинин, как бомба, вылетел на середину комнаты.

Вслед за Малининым в класс влетели Янко, Голубин и Курнышов.

Краснощекий Помидор Иванович на минуту остановился у порога, быстрым взором окинул класс и, казалось, в один миг понял все происшедшее.

– Ага! Вы все-таки обижаете Лилипутика! – крикнул он во все горло. – Пойдите же, мы вас с Янко угостим по-свойски. Только держись!

И, засучив рукава своей курточки, он стремительно накинулся на Подгурина.

Синеглазый Ивась Янко, в свою очередь, в два прыжка очутился на спине Калмыка, и... пошла потасовка!..

Аля Голубин, бледный, взволнованный, с горящими глазами, растолкал мальчиков, пробрался к Счастливику и, обхватив за плечи последнего, отчаянно волнуясь и жестикулируя, кричал своим тоненьким детским голосом:

– О, как не стыдно вам! Как не стыдно! Что он вам сделал?! Бессовестные вы все! Это нечестно, гадко, подло, нехорошо!..

Но мальчики сами и без худенького Голубина отлич-

но знали, что во всем происшедшем действительно не много было хорошего.

Смущенные, отхлынули они от новенького и его друга.

А посреди класса уже кипела форменная драка. Янко, Курнышов, Верста и Калмык катались по полу в одной сплошной, отчаянно барахтавшейся и запыленной куче...

ГЛАВА XIV

– Директор идет!..

– Ну-у?

– Как бог свят, директор!..

– Директор! Что делать? Что делать? На лицах мальчиков отразился ужас. Только четверым драчунам сейчас нет до директора никакого дела: они продолжают кататься по полу, награждая друг друга пинками и тумаками.

Тогда Малинин, красный, как вареный рак, бросается к Помидору Ивановичу и кричит в самое ухо, что есть мочи, громко, как на пожаре:

– Директор идет! Понимаешь – директор идет.

– Что? Где? Какой директор? Почему? Каким образом? – ничего не понимая, тяжело дыша и сопя носом, с вытаращенными глазами, недоумекает Помидор Иванович.

Но ему некогда пояснять.

Десятки рук подхватывают его, ставят на ноги; потом приводят в стоячее положение тем же способом Янко, Калмыка, Подгурина.

Голубин в это время хватается за руку Счастливики и кричит:

– Спрячься! Спрячься! Под скамейку спрячься! Не

то всему классу попадет!

И сам мчится стрелою к своему месту.

В классе минутная возня... Топот ног... шелест... возгласы испуга...

Директор идет – это ведь не шутка! Директор идет, а у них раздетый мальчик в классе! Что делать? Что делать?

Счастличик, взволнованный, трепещущий, измученный от всего пережитого, медленно выходит из угла и направляется к своему месту.

– Скорее! Скорее! – кричат ему мальчики с первых скамеек.

– Скорее же двигайся, Лилипутик! – звонко выкрикивает Янко и для чего-то протягивает руки вперед.

Но уже поздно...

На пороге класса стоит директор – высокий, полный, красивый господин, с баками вроде котлеток по обеим сторонам симпатичного лица.

На лице директора выражение не то недоумения, не то испуга.

– Это еще что за явление? – говорит директор и протягивает вперед указательный палец.

Перед ним, спиной к нему, шагает маленькая белая фигурка в одном нижнем белье и в носках, с длинными густыми локонами, падающими на плечи, как у библейского Самсона.

На вопрос директора фигурка останавливается, оборачивается и, увидя вошедшее новое лицо, почтительно кланяется, шаркнув полуобутой ножкой по всем правилам искусства.

Глаза директора раскрываются еще шире. – Это еще что такое? – суровым, строгим голосом спрашивает он.

Подоспевший воспитатель, Дедушка, бочком протискивается к Счастливику и шепчет над его головой очень тревожно:

– Где же твое платье, Раев? Счастливчик хочет поднять руку и показать, где его платье, хочет ответить, что его платье мирно покачивается на лампе под потолком, но в это время весь красный пробирается между партами Янко и, незаметно очутившись около Голубина, рядом с первой скамейкой, шепчет усиленным шепотом Счастливику:

– Только не выдавай!.. Только не выдавай!.. Они все дрянные, гадкие, но ты их все-таки не выдавай!.. У нас выдавать не полагается... У нас правило товарищества... Пожалуйста, не выдавай!

Счастливчик молчит. Его губы сжаты. Глаза полны слез.

– Да что с тобой, голубчик? – тревожно спрашивает его старый воспитатель. – Отвечай же господину директору, отчего ты раздет.

Голос Дедушки похож на голос monsieur Диро, и весь он смахивает немножко на Ами: такой же седенький, старый. И потом он первый приласкал Счастливику в этих нехороших, так неласково встретивших его стенах, назвал приветливо «голубчиком», тревожится насчет его, сочувствует ему...

Напряженные нервы Киры, перенесшего столько волнений сразу, не выдерживают и точно рвутся. Слезы мгновенно брызгают фонтаном из глаз. Он стремительно прижимает головку к синему сюртуку воспитателя и рыдает горько, неудержимо.

Не часто можно видеть в классе плачущего гимназиста в нижнем белье, похожего на поваренка. Это явление далеко не обычное. Причем мальчик плачет так искренне, так иступленно и так дрожит всем своим маленьким телом, что тревога невольно наполняет сердце директора, и он говорит, приближаясь к Кире:

– Ну, ну, успокойся, мальчик! Да расскажи, в чем дело.

Но так как вместо рассказа рвутся одни только рыдания и всхлипывания из детской груди, директор ровно уже ничего не понимает.

– Да объясните же мне, наконец, что случилось? – уже явно сердитым голосом обращается он к классу. Но мальчики стоят, как истуканы, каждый у своей парты, и молчат.

Тогда отделяется Янко от первой скамейки. Его синие глаза заметно искрятся. Рожица у Ивася сейчас самая плутовская; но на губах пугливая улыбка, а брови хмурятся, стараясь придать очень серьезное выражение лицу. Он оборачивается назад, окидывает одним взглядом класс и останавливает глаза на заметно испуганных и бледных лицах Подгурина и Бурьянова.

На этих лицах так и написано без слов: «Не выдай нас, Янко! Пощади! Не выдай!» Но Янко и без этого отлично помнит, что выдавать товарищей – мерзость. Помнит и то, что директор, Григорий Исаевич Мартьянов, любит его, Янко, и очень хорошо относится к нему. Авось поверит его словам и не рассердится сегодня ни на кого.

И синеглазый Ивась нервно обдергивает курточку, хмурит брови и говорит, обращаясь к директору, почтительно, но смело:

– Мы, Григорий Исаевич, в перемену бежали завтракать из коридора в класс. И новенький с нами был вместе. Вдруг новенький поскользнулся, упал и прямо на доску боком угодил. Стал плакать и стонать: «Бок больно! Бок больно!» Стал просить нас: «Посмотрите, нет ли раны на боку?» Ну, мы и хотели посмотреть. Сняли куртку и все прочее. А вы и изволили войти как раз в эту минуту.

Янко говорит явную неправду, и директор отлично

понимает это. Но Григорий Исаевич Мартьянов – в сущности очень добрый человек и не любит за ребяческие шалости наказывать гимназистов. Однако он все-таки очень недоволен беспорядком в классе и строгим голосом обращается к ученикам:

– Чтобы этого не было в другой раз!.. Слышите! Если кто стукнется, заболеет, нечего самим мудрить! Надо сказать господину воспитателю, и вас отведут к доктору в приемный покой.

– А ты не плачь и одевайся! Да в другой раз не будь таким дурачком, не позволяй так глупо с собой распоряжаться, – полушутливо обратился к Счастливику директор и повернулся уже к двери, чтобы уйти, как неожиданно увидел покачивающийся на лампе злополучный костюм гимназиста. Доброе лицо его приняло вмиг строгое недовольное выражение.

– Кто это осмелился сделать? – гневными нотками прозвучал на весь класс громкий голос. – Это еще что за шалость? Кто посмел из вас забросить на лампу костюм?

Мальчики молчали. Испуганные лица со страхом впивались теперь в директора.

Счастливчик, переставший плакать, тоже смотрел на него.

– Ну-с, я жду! – еще строже произнес на весь класс Григорий Исаевич.

Опять молчание. Только детские лица вытягиваются длиннее.

– Кто же виноват? Отвечайте сейчас! Чьих это рук дело? – сердится директор.

Легкий шепот проносится по классу:

– Мы все закинули!.. Мы все виноваты, Григорий Исаевич! – слышатся покорные и робкие голоса.

– Как все? Что за чушь! Не может быть, чтобы весь класс! – окончательно выходит из себя директор.

– Все! – тихим звуком проносится по комнате, как шелест ветерка.

– Все виноваты до единого? – снова, волнуясь, спрашивает Григорий Исаевич.

– Все виноваты, все! – получается дружный ответ.

Директор подходит к Счастливику, кладет ему руку на плечо.

– Ну, а ты что скажешь, новенький? Кто сделал это? – и он поднял кверху палец, указывая на злополучный, тихо покачивающийся на лампе костюм.

Счастливчик поднимает голову, окидывает глазами класс. Вон прямо на него обращены испуганные, взволнованные, побелевшие от страха лица тех больших злых мальчиков, которые так гадко поступили с ним сегодня. Что если назвать их директору?.. Их строго накажут, и больше никогда, никогда никто не посмеет обидеть Счастливика.

Мысли в белокурой головке реют быстро и гневно, немилостивые, жестокие мысли, а сердечко, доброе сердечко Счастливого выстукивает совсем другое:

«Ну, пожалуешься ты на них, ну, накажут их строго, – выстукивает сердечко, – и что же? Легче от этого будет, что ли? Сестра Ляля постоянно говорит: „Надо прощать врагов, надо отпускать обиды, тогда только и будет хорошая, светлая, радостная жизнь на земле“».

И при этой мысли теплая волна заливают маленькую душу. Хочется простить и Версту, и Калмыка, всем сердцем простить, искренне, горячо, пылко.

Директор внимательно смотрит на милое, заалевшее лицо Счастливого.

– Ну, что же? Кто закинул твой костюм? – спрашивает директор. – Дождусь я ответа? – спрашивает он строго.

Кира делает над собой невероятное усилие. Он не привык ко лжи. Он не умеет лгать, Счастливчик. Но сейчас, когда приходится спасти товарищей, приходится поневоле сказать неправду, ложь... Черные глаза опускаются, губки раскрылись. Из-под нависших кудрей выглядывает малиновое от смущения лицо.

– Все... – делая над собой невероятное усилие, говорит Счастливчик. – Все закинули, весь класс...

И помолчав немного, неожиданно прибавляет к полному изумлению присутствующих:

– И я тоже!.. И я закидывал тоже на лампу мой костюм...

Это вышло так неожиданно, что директор, воспитатель, а за ними и весь класс ошеломлены настолько, что смотрят на Счастливого изумленными, недоумевающими глазами.

Потом директор еще раз вскидывает на Счастливого внимательный, зоркий взгляд. Неопределенная улыбка скользит по его губам.

Должно быть, директору и жаль мальчика за то, что он сказал неправду, и отчасти он доволен новеньким, который не хочет отплачивать злом на зло. А что новенькому причинили зло – в этом директор теперь уже не сомневался. Недаром же так горько плакал новенький и у него был такой измученный, испуганный и грустно-растерянный вид.

Директора точно что подтолкнуло к Кире. Он взял его за руку, притянул к себе, откинул ему кудри со лба.

– Вот это надо убрать завтра же! – произнес он, указывая на его волосы. – И помни, что в гимназии нельзя быть такой росомехой и позволять с собой делать, что только вздумается другим. А вы все, в наказание за шалость, останетесь на час после уроков сегодня в гимназии.

И сказав это, директор, делая строгое лицо, вышел из класса.

Лицо было строгое, а на губах его играла та же, чуть заметная, добрая улыбка.

ГЛАВА XV

- Ай, да овечка!
- Ай, да девчонка!
- Молодец, овечка!
- Молодец, девчонка!
- Ура, Лилипутик!
- Не Лилипутик, а герой!
- Молодчинище, герой! Постоять сумел горой!
- Не выдал товарищей!

Все эти крики, сыпавшиеся со всех сторон, едва не оглушили Киру.

Мальчики теперь гурьбой толпились вокруг него, воспользовавшись минутой, когда директор вышел из класса в сопровождении Дедушки, которого он позвал за собой.

Кто-то полез на стол, потянулся к лампе и, стащив с нее костюм Счастливого, подал его ему.

Опять проворные руки стали суетливо хлопотать вокруг мальчика, быстро одевая его.

Помидор Иванович, Янко, Гарцев, Голубин, черненький, как цыганенок, Малинин – все наперебой старались услужить ему.

– Если еще кто-нибудь когда-нибудь осмелится проделать с ним что-либо такое, я так отпотчую, что... –

с пылающими щеками кричал неистово Ваня Курнышов.

Ваня не кончил. Кто-то отстранил его от Счастливи́чика, встал на его место и ударил легонько Киру по плечу.

Счастливи́чик поднял глаза. Перед ним стоял Подгурин. За ним Калмык, красный, как морковь, со смущенно бегающими маленькими глазками.

– Ты уж того... брат... прости, Лилипутик... – ронял смущенно Подгурин, – мы, брат, не знали, что ты такой рубаха-парень и герой.

– Лихой, брат, товарищ! – вторил ему и Калмык, просовывая под чьим-то плечом свою скуластую физиономию.

– Ты, брат, не взыщи, – ронял снова долговязый Подгурин, – прости... Не ладно у нас это вышло и с завтраком, и с костюмом. Или вот что, дай мне хорошего тумака, а я ни-ни... сдачи... Вот и будем квиты.

– И мне тоже! И мне тоже! – обрадовался Бурьянов.

Но Счастливи́чик никак не решался исполнить эту оригинальную просьбу. Между тем десятки рук успели одеть его, привести в порядок.

– Ну, вот, – как ни в чем не бывало радовались мальчишки. – Ну, вот! Ну, вот! Теперь хоть не только директор входи, а и сам министр. Милости просим! Все в исправности!

– Братцы! Я предлагаю качать Раева за его товарищеский поступок! – звонко воскликнул Помидор Иванович и, прежде нежели Счастливчик успел опомниться, подхватил его на руки.

Десятка четыре рук, маленьких и средних, чистых и грязных, щедро отмеченных чернильными пятнами, потянулись к Счастливчику. Его осторожно подбрасывали и раскачивали в воздухе и припевали со смехом и визгом:

– Слава – Лилипутику, слава! Слава – кудрявому, слава!

Счастливчик, смеющийся, повеселевший, с растрепанными локонами и пылающим лицом принимал все эти знаки восторга.

Вернувшись с monsieur Диро домой, Счастливчик, не желая волновать бабушку и Лялю, рассказывая о первом, проведенном в гимназии, дне, умолчал об истории с костюмом и завтраком.

Одному только Мик-Мику, пришедшему к нему вечером репетировать уроки, поведал он все до капельки. Мик-Мик внимательно слушал своего маленького ученика и заставлял его повторять по несколько раз, что сказал директор, как отвечал ему Счастливчик, как его «чествовали» всем классом.

Счастливчик не скрыл ничего от Мик-Мика. Мик-Мик не выдаст, Мик-Мик не пойдет испуганный к бабушке,

не захочет вступаться за него, Счастливица, или жаловаться на негодных мальчуганов, как это, наверное, сделал бы monsieur Диро. Мик-Мик непременно желает видеть в Счастливице маленького мужчину и всячески поддерживает это сознание и в самом Кире. Вот почему так любит Счастливик своего молодого учителя, так искренен и откровенен он с ним.

В этот вечер, уставший от массы разнородных впечатлений, перенесенных за день, Кира уснул скоро, но тревожно. И снились ему веселые, шумные мальчики, длинный Верста, тихий Голубин, веселый, смеющийся Янко и милый, смелый и умный Помидор Иванович, с его открытым, честным, краснощеким лицом...

ГЛАВА XVI

Зима... Снег падает большими хлопьями... Точно большие белые птицы летают по воздуху и, бессильно распластав крылья, шлепаются на землю...

Разгуляй запряжен в санки и мчится, как бешеный, по мягкой, рыхлой санной дороге. Счастливчик едет в гимназию. На нем теплое, на беличьем меху, форменное пальто с огромным барашковым воротником. Воротник поднят, фуражка с выстеганным ватую дном нахлобучена на самые брови. Сверх фуражки и поднятого воротника еще башлык. Из-под них выглядывает, как гном из пещеры, крошечный, покрасневшийся на морозе, носик. Так укутала Счастливчика няня по приказанию бабушки.

Monsieur Диро тоже в теплой шубе. Но ему все-таки холодно. Он не привык к морозам. В Париже нет таких крепких, трескучих морозов.

И monsieur Диро зябко кутается в шубу, прячет свой длинный тонкий нос в ее воротник и то и дело ворчит недовольно, почему-то по-русски:

– Ой, этить рюской холодник!.. Совсем зациплевал мой носик!

Счастливчику делается ужасно смешно от этого замечания. Андрон же фыркает у себя на козлах.

Разгуляй думает, что это относится непосредственно к нему, машет хвостом и прибавляет ходу.

– Тпру! Чего ты! Блинов объелся, что ли! – кричит Андрон на Разгуляя.

Счастливичок хохочет неистово. Как тут не смеяться, посудите сами – видали ли вы лошадь, которая ест блины?

Вот и гимназия. «Тпрууу!» – особенно лихо осаживает Разгуляя Андрон. Потом перевешивается с козел и откидывает полость.

– Счастливо, барин! С богом! – говорит Андрон.

– До свидания, мой мальшик! – бросает ласково monsieur Диро.

Счастливичок ловко выскакивает из саней, кивает головою и исчезает в подъезде.

Швейцар улыбается, встречая мальчика, и торопливо помогает ему раздеться.

Ранец отстегнут, пальто сброшено, башлык и фуражка тоже.

Но что это сделали со Счастливичком? Где его густые длинные волосы?

Локонов нет. Волосы выстрижены под гребенку, вследствие чего голова получилась круглая, смешная, как у галчонка, личико малюсенькое, а глаза огромные-преогромные, как две черные вишни.

Теперь Счастливичок не похож ни на овцу, ни на де-

вочку, ни на болонку. Он настоящий маленький мужчина.

– Раев, здравствуй! Здорово, Лилипутик!

Это кричит во все горло Ваня Курнышов, пулей влетевший в швейцарскую. Он в осеннем стареньком пальто, без башлыка и в плохенькой. помятой фуражке. Счастливчик знает, что Ваня очень бедный и что пальто и все то, что на нем надето, – все приобретено по дешевой цене на рынке у старьевщика. Но Ване не холодно, несмотря на трескучий мороз. Его щеки точно два цветка мака. И запыхался он от быстрого бега. Пыхтит, как паровоз. Еще бы не разогреться! Ванин отец живет на конце города, и оттуда Ваня ежедневно совершает свою прогулку в гимназию, по его же словам, «на собственных рысаках», то есть попросту пешком.

– Все уроки выучил? – осведомляется у Счастливчика Ваня. – Небось, с репетитором? – помолчав секунду, прибавляет он лукаво.

Счастливчик кивает и краснеет. Если бы не Мик-Мик, разумеется, он не знал бы ни одного урока.

Мальчики вбегают на лестницу, прыгая через две ступеньки.

– Здорово, братцы! – слышится за ними. Это Янко. Веселый, радостный, как всегда, он весь так и сияет улыбкой.

– Арифметику не кончил. Задачи не понимаю. Дай списать, Помидорушко, у тебя, – просит он умильно Ваню.

Помидор Иванович упрямо крутит головою.

– Списать ни-ни... Это обман. А вот объясню тебе с удовольствием.

Три мальчика входят в класс. Еще рано. До молитвы остается еще целых четверть часа. Но в классе, против обыкновения, уже набралось много народа. В углу класса за доской движутся чьи-то ноги. На доске написано крупными буквами:

«Фокусник и чревовещатель.

Прием от 8 1/2 до 8 3/4 утра».

Весь класс собрался у доски. Хохот, возня, возгласы удивления.

– Это еще что за выдумки?

Из-за доски вылезает Бурьянов. Лицо торжественное, как перед учителем во время ответа. Над губою наведены углем усы, на щеках намазаны баки. Глаза выпучены, точно у рака. На голове колпак с кисточкой из бумаги. На колпаке с неподражаемым мастерством нарисованы чертики. Калмык мотает головой так, что кисточка трясется и танцует. Он отдувает выпачканные щеки, еще сильнее таращит глаза и выкрикивает густым басом:

– Честь имею представиться: фокусник и чрево-

щатель. Кто хочет видеть, как из одного перышка можно сделать двадцать?

Мальчики хохочут, сдвигаются в кучку, окружают Бурьянова. Всем хочется видеть, как из одного пера выходит двадцать.

– Покажи! Покажи! – пристают они к Калмыку. У Калмыка на ладони лежит стальное перо. Все смотрят на него с заметным любопытством.

– Давай другое, братцы, это не годится! – командует Бурьянов и протягивает руку вперед.

И вмиг в его руке очутилось другое перышко. Кто-то кладет третье, четвертое. Бурьянов сосредоточенно смотрит, считает и мотает головою:

– Не то, не то... Надо острее... Еще острее... Чуть-чуть только, – мычит он своим деланным басом.

Мальчики разгораются любопытством. Действительно, презабавная штука, из одного пера можно сделать двадцать!

Когда маленький Голубин кладет на ладонь Калмыка свое самое хорошенькое желтое, точно золотое, перышко, по счету двадцатое, Бурьянов неожиданно срывает с головы свой бумажный колпак, насмешливо раскланивается перед огорошенными зрителями и пискливым голосом визжит:

– Вот каким образом из одного пера можно сделать двадцать! Вот каким образом один умный че-

ловек может провести тридцать наивных!.. А теперь честь имею кланяться, господа! До приятного свидания!

И зажав в ладонь полученные двадцать перьев, Бурьянов скрывается за доской. Мальчики хохочут. – Аи, да Калмык!

Действительно, Калмык сумел провести их всех – и презанятно. В другой раз они не будут простофилями и не дадут себя дурачить таким образом, а пока...

Звонок к молитве... На пороге класса стоит Дедушка, вернее Корнил Демьянович Вершиков, воспитатель.

– На молитву, дети, на молитву! – кричит он, хлопая в ладоши, и вдруг, заметив необычайное оживление у доски, проходит туда.

Как ни близорук и ни подслеповат Корнил Демьянович, однако он замечает все, что ему надо.

– Чьи это ноги? – строго обращается он к гимназистам.

Подавляя смех, Подгурин отвечает беспечным тоном:

– Это не ноги, а сапоги.

– Сапоги без ног, – вдохновенно прибавляет Янко.

– Сейчас подать мне эти сапоги! – сердится воспитатель. – Я знаю, кто там спрятан!

– Там фокусник, – снова отзывается длинный Вер-

ста замогильным басом.

– И чревовещатель, – подпискивает чей-то голос сзади.

– А вот посмотрим.

Дедушка не без труда пролезает за доску и вытаскивает оттуда смущенного и красного, как кумач, Калмыка. Колпак он успел сбросить в угол, щеки вытереть носовым платком, но усы остались, придавая ему уморительный и глупый до чрезвычайности вид.

– Ха, ха, ха, ха! – не могут удержаться от смеха мальчишки при виде этих усов и этого глупого вида.

– Очень хорош! Безобразник этакий! – сердится Дедушка. – На час в гимназии останешься после уроков, а теперь ступай впереди класса на молитву с этим самым украшением на лице.

Калмык испуган. На молитве его увидит вся гимназия, инспектор, может быть, директор... Ужас! Ужас!.. Мальчишки тоже не смеются, притихли...

Быть грозе!

Молча становятся в пары. Идут тихо в зал. Калмык впереди, красный, смущенный, с потупленными глазами, с черными огромными усищами, нарисованными над верхней губой.

– У «мелочи», глядите, братцы, церемониймейстер! – кричит кто-то из старших в коридоре и все указывают пальцами на Калмыка.

Инспектора в зале нет. Слава богу! Гроза миновала. Но зато сколько насмешливых взглядов и замечаний приходится вынести Калмыку!

О, он не простит этого Дедушке!.. Никогда не простит, оплатит ему, припомнит...

Сердце Калмыка исходит от злости. В голове роятся беспокойные мысли, как бы отомстить...

Молитва кончена. Звонок, и мальчики расходятся по классам.

ГЛАВА XVII

В первом младшем классе, у «мелочи», идет урок географии. Географию преподает классный наставник, болезненный, раздражительный, худенький человечек с козлиной бородкой. Зовут его Петр Петрович Пыльмин; гимназистики прозвали его Петухом. Петух терпеть не может лени и щедро сыплет на своем уроке единицы и двойки. Учиться у него претрудно: все наизусть, все наизусть. Реки наизусть, горы наизусть, моря наизусть, страны наизусть, словом, весь мир наизусть буквально, точно «Отче наш» или «Богородицу». А чуть переврал что-нибудь – пара. Еще переврал – кол. Еще – картошка. Так называют двойки, единицы и нули на языке гимназистов.

Сегодня Петух сердится больше обыкновенного. Голова ли у него болит или зубы, бог знает, но он поминутно хватается то за щеку, то за лоб.

– Сегодня Петух злой, – шепчет Калмыку его сосед Подгурин.

– Подгурин, молчать! – услыша этот шепот, замечает строго классный наставник. – А впрочем, ступай сюда. Назови реки южной Америки. Они заданы к сегодняшнему дню? Дежурный!

Рыженький Костя Гарцев, близорукий, с золотуш-

ными подслеповатыми глазками, только что разбивший на коленях под партой старые марки и конюные билетки, встает со своего места.

– Да, Петр Петрович, сегодня реки, – раздается его ответ, причем и марки, и билетки сыплются на пол дождем.

– Подгурин, отвечай! – не замечая беспорядка, приказывает классный наставник.

Верста нехотя поднимается со скамейки, таращит глаза, делает глупое лицо и молчит. Урока он не выучил, а что знал, то успел позабыть с прошлого года.

Петр Петрович сердится.

– Ну, что ж ты нем, как рыба! Отвечай! Верста молчит.

– Что ж ты молчишь?

По лицу Подгурина проползает лукавая улыбка.

– Как же мне отвечать, когда вы молчать велели, Петр Петрович! – тянет он плаксиво, как будто собираясь реветь.

– Ты глуп! – сердито замечает учитель. – Какая главная река Южной Америки?

Подгурин хмурится, собирает свой, и без того маленький, лоб в морщины, причем делается ужасно похожим на плачущую обезьяну, и... молвит, стараясь припомнить всеми силами, какая главная река Южной Америки.

– Амазонка! Амазонка! – усердно подсказывает с первой скамейки Малинин.

– Амазонка! – шипит и Янко с последней парты. Другие мальчики тоже усиленно подсказывают Подгурину.

Но Подгурин туг на оба уха. Он стал плохо слышать после скарлатины в прошлом году.

«Онка... Онка... Гонка... Конка»... – едва-едва разбирает он и вдруг широко улыбается... Услышал!

– Картонка! – уверенно сообщает учителю Подгурин. – Главная река Южной Америки – Картонка.

Класс фыркает и заливается смехом. Учитель краснеет, сердится.

– Сам ты картонка! – бросает он гневно. – Второй год в классе сидишь, а Америки не знаешь. Стыдись!

И он ставит Подгурину единицу.

– С колышком вашу милость поздравить извольте! – смеется Янко, который не терпит Подгурина.

Верста показывает Янко исподтишка кулак и с угрюмым видом садится на место.

– Раев! Назови мне реки Южной Америки, – слышит Счастличик голос учителя.

Кира встает, берет линейку и выходит на середину класса к географической карте, которая висит на доске.

Счастличик знает урок, отвечает бойко. Вчера он

все реки Америки прошел с Мик-Миком.

Лицо Пыльмина проясняется.

– Хорошо! – говорит он с довольной улыбкой, отпуская Киру на место.

– Бурьянов! – вызывает он Калмыка.

Калмык, посвятивший все утро на устройство «фокусов и чрево вещания», не успел повторить урока. Реки выскочили у него из головы, и он начинает бормотать себе что-то под нос.

Учитель сердится снова.

– Лентяй!.. Лентяй!.. – ворчит он с кафедры.

С последней скамейки приподнимается кто-то и протягивает руку, не особенно чистую, в чернильных пятнах. Это Янко. Он тоже не знает из заданного урока ни полслова и, боясь, что его сейчас вызовут, решается на хитрость:

– Господин классный наставник! У Янко живот болит. Можно ему пойти в приемный покой к доктору? – говорит сам Янко, пряча за головами товарищей свое смеющееся лицо и стараясь подражать голосом и произношением Подгурину.

Но Петра Петровича обмануть трудно. Он отлично понимает и кричит:

– Янко! В угол к печке ступай. А за неуменье держать себя в классе ставлю тебе единицу по поведению.

Пристыженный Янко шествует со сконфуженным видом к печке.

Чья-то предательская нога выставляется в проходе между партами. Янко не видит ноги, не чувствует хитрого умысла сделать ему «подножку», цепляется за ногу и стремительно летит на пол.

– А чтоб вас, – красный от неожиданности бормочет Янко, – и дойти-то как следует парубку до печки не дадут. Эх-ма!

Это выходит так неожиданно смешно и забавно, что все хохочут. Даже строгий учитель не может удержаться от улыбки. У Ивася Янко, маленького хохла, есть драгоценная способность привлекать к себе все сердца добродушием и заразной веселостью.

– Ну-с, ступай на место и не шали больше, – уже милостиво говорит учитель.

– Вот спасибо! – радуется Янко. – И живот прошел, не болит нисколько, – тихонько добавляет он, обращаясь лицом к товарищам и строя уморительную гримасу.

Звонок. Урок окончен. Классный наставник расписывается в журнале, сходит с кафедры и читает отметки.

У Подгурина единица, у Янко единица, у Малинина три, у Раева пять.

– Берите пример с него, – заканчивает Петр Петро-

вич, закрывая журнал. – Самый маленький среди вас, но учится лучше всех.

– Пять! Пять! – радуется Счастливчик. – Бабушка-то обрадуется. Ах, хорошо!

За каждую пятерку Кира получает от бабушки рубль. За каждую четверку – полтинник. Такой обычай бабушка завела с первого дня поступления Счастливчика в гимназию, не обращая внимания на слова Мик-Мика, который старался доказать, что выдавать деньги за хорошие отметки неуместно.

Рублей и полтинников уже много набралось в копилке Киры. Когда их будет еще больше, он купит себе часы, настоящие, золотые, закрытые часы, как у взрослого. Это уже решено давным-давно у них с Мик-Миком. И больше никто, ни одна душа не знает об этом.

ГЛАВА XVIII

Большая перемена.

Мальчики завтракают. Обычных шуток и шалостей не слышно. Челюсти, зубы и губы ушли в работу. Кира стоит у окна. С ним Помидор Иванович. Немного поодаль Аля Голубин. Аля не завтракает. У него грустное личико и печальный вид. Он усиленно занят оттачиванием карандаша и весь, как кажется, ушел в свою работу. Но это только кажется, а на самом деле не то. Голубые глазенки Али то и дело скользят по окружающим его мальчикам, которые с таким усердием уничтожают свои бутерброды. Под ложечкой у Али сосет. Он голоден. Ему хочется кушать. Ах, если бы хоть кусочек булки с колбасой! Но увы – у него нет ничего.

Мать Али бедная, очень бедная вдова Она бывшая учительница музыки. Но сейчас у нее совсем нет заработка. Она отморозила как-то себе руки, бегая по урокам, и с тех пор ее пальцы потеряли необходимую для игры гибкость и быстроту. С тех пор она живет с сыном исключительно на пятнадцать рублей пенсии. Это очень-очень трудно. Тут и комната, и обед и чай и стирка. Одним словом, все. Разумеется, давать на завтраки сыну не из чего, и бедная мать со стесненным сердцем отпускает своего Алюшку впроголодь в

гимназию. О, как болит и томится ее душа при этом! Ведь он такой худенький слабенький, ее Аля, такой малокровный. Легко ли ему пробыть натошак с самого утра до трех часов дня, пока он не возвратится из гимназии к их скромному обеду? Но что будешь делать. Из пятнадцати рублей восемь идут на уплату за комнату, семь на все остальное. Едва-едва возможно жить впроголодь на эту сумму... До завтраков ли тут еще! Маленький Голубин отлично понимает это. И все-таки ему страшно хочется есть. И зависть берет глядеть на мальчиков, которые с таким аппетитом уничтожают свои бутерброды.

Счастличик тоже завтракает с большим удовольствием. Мик-Мику удалось, наконец, убедить бабушку не снаряжать, как в дальний путь для мальчика целую корзину с провизией. Ему дают вместо нее французскую булку, разрезанную вдоль, намазанную маслом, с начинкой из ветчины или рябчика, или куска телятины, или отбивной котлеты.

И от пилюль Мик-Мик избавил Счастличика.

– Помилуйте, – говорил он бабушке, – да его с вашими пилюлями засмеют мальчики.

И пилюли отменили. Но зато...

Зато вместо пилюль в ранец Счастличика няня каждое утро умудряется всовывать тщательно закупоренную и обвязанную в вату бутылку с горячим ка-

као и маленький эмалированный стакан. С этим еще туда-сюда можно примириться, тем более что к какао прилагаются всегда и очень вкусные сладкие бисквиты.

Каждый раз, из боязни, что Счастливчик не выпьет какао, няня перед отъездом в гимназию спрашивает:

– Кирушка, мой батюшка, а ты сам ли пьешь-то какао?

– Сам, нянечка, сам!

– Мальчикам не даешь ли?

– Не даю, няня.

– То-то, мой батюшка, кушай на здоровье, мальчишкам не раздавай. Им што? Они рады у маленького отнять – обидеть ребенка.

– Да никто не обижает меня, няня, что ты! – уверяет няню Счастливчик.

Итак Счастливчик, стоя у окна, с большим аппетитом уписывает свой завтрак и запивает его какао. Дома Счастливчик так не ест. Дома его насилу уговаривают съесть за обедом котлетку или крылышко цыпленка, а здесь, при виде завтракающих с таким удовольствием мальчуганов, Кира и сам чувствует особенный аппетит и желание основательно покушать. Около него стоит Помидор Иванович. У Вани Курнышова в руках вместо бутерброда огромная краюха черного хлеба, густо посыпанная солью.

Ваня, красный, довольный, с полным удовольствием уписывает за обе щеки.

Его родители приучили своего мальчика с самого раннего детства к таким простым завтракам, и они кажутся ему, Ване, лучше всяких разносолов.

– Не хочешь ли половину моей булки? – предлагает Счастливчик товарищу, с которым он успел очень сойтись за последнее время.

– А там что у тебя за птица? – осведомляется Ваня. – Небось, котлетка – маленькая, точно конфетка, соус труляля, готовил повар, а есть нечего, потому что воздух один, мальчик-с-пальчик, а не котлетка, с мизинец ростом.

– Ха-ха-ха! – заливается на замечание Вани Счастливчик.

– Кушайте сами, а мы своей краюхой премного сыты и довольны, – дурачится Помидор Иванович и так хрустит белыми, как миндалины, зубами, разжевывая поджаренную корку хлеба, что любо и слушать, и смотреть.

Однако не доесть Ване своей краюшки, как и Счастливчику не доесть своей булки. Оба положили оставшиеся куски на подоконник и отошли от окошка. Аля Голубин видел, как отошли Счастливчик и Ваня, видел и лежавшие на окне куски.

Под ложечкой у Али засосало сильнее. Глаза

невольно так и косятся на злополучное окошечко, на бутерброд.

– Господи! Господи! Хоть бы один кусочек! Хоть бы крошечку попробовать только, – томится Аля. – Только бы попробовать, только бы заморить немножко червячка.

Желание есть, голод сильнее мальчика... Попросить товарищей? О нет, он не попросит никогда! Он, Аля, не нищий, милостыни ему не надо. Его мама говорит так часто своему мальчику: «Бедняк должен быть горд, Аля: бедняка обидеть легче всего».

О, он отлично понимает это! О, он гордый! Он никогда ничего ни у кого не просит, как и его мама. Никто и не знает, как он бывает голоден ежедневно. Никто и не подозревает, что он приходит каждый день без завтрака в гимназию. Когда все мальчики закусывают в классе, он уходит. Уходит в коридор, на лестницу, в залу. А сейчас он остался. Голод сильнее, чем когда-либо, мучит его сегодня. Его так и тянет посмотреть, только посмотреть, как кушают другие... И вот этот кусочек хлеба на окне и четвертушка французской булки с маслом и котлеткой!.. Ах, господи, да разве это дурно взять их себе?.. Ведь никому больше не принадлежит это. Все равно сторож выкинет эти остатки завтрака в грязное ведро... Аля живо окидывает глазами класс. Никто не смотрит, никто не видит.

Один Раев, Кира, Лилипутик, стоит поблизости, но и он не видит его, задумался и смотрит в окно своими черными глазами. Аля делает шаг... другой... третий. Протягивает руку... Хватает куски хлеба и булки, подносит их ко рту... и ест... Ест быстро и жадно, как маленький проголодавшийся зверек.

Бедный Аля! Бедный Голубин!

Когда злополучные куски съедены и от них остались одни только крошки, Аля, как вор, бочком пробирается на свое место. Там на скамейке уже сидит его сосед, Счастливчик. Лицо у Счастливчика грустное, расстроенное. Глаза смотрят печально и смущенно.

Он вскидывает на Алю взглядом, полным такой жалости и ласки, что у маленького Голубина сердце екает в груди.

– Видел! Он все видел! – трепещет напуганная душа Али, и он бросает, в свою очередь, молящий взгляд на Счастливчика. – Не выдавай меня! Не выдавай меня, ради бога, Счастливчик! – малиновый от стыда, испуганно шепчет несчастный Аля.

Сердце Счастливчика буквально рвется от жалости и любви... Он хочет произнести слово и не может. Слезы щекотят ему горло. Они готовы брызнуть из глаз.

А Аля все шепчет и шепчет:

– Молчи, молчи, Счастливчик... ради бога... Никому

не говори. Мне хотелось кушать... Я не мог сдержаться... У меня мамочка бедная... Денег нет... Завтраков нет... Мы и то кушаем только раз в сутки...

Счастличик молчит. Только горло его сжимается от желания заплакать, зарыдать громко, неудержимо... Так жаль этого милого бледненького голодного Алю, так мучительно жаль!..

Но надо успокоить Алю, надо во что бы то ни стало... В ушах Счастличика вдруг раздается знакомая фраза Мик-Мика: «Старайся быть маленьким мужчиной, Кира!»

Да, да, он им будет! Он должен быть маленьким мужчиной. И делая невероятное усилие над собой, Счастличик берет за руку Алю и говорит тихо, но твердо, голосом, не допускающим возражений.

– Мы с тобой товарищи и соседи. И со мной ты не должен стесняться... Я был гадкий, потому что не замечал того, что делается у меня под самым носом. Не замечал того, что ты никогда не приносишь завтраков с собою... Прости, милый, и если ты простил и не сердись на меня, то мы... мы... мы с тобой будем каждый день кушать мой завтрак. Понял? Мне одному дают слишком много, не съесть даже, а ты... а ты...

Тут Счастличик замолк, заерзал по скамейке и заморгал своими огромными черными глазами. Лицо у него получилось самое смущенное, самое проситель-

ное, точно не он делал одолжение другому, а сам просил о милости и одолжении. И взглянув на это милое, смущенное личико, Аля схватил Счастливику за руку, мотнул головою и, проглотив скатившуюся по щеке слезинку, шепнул чуть слышно:

– Спасибо тебе, спасибо, ты добрый, о, какой ты добрый, Лилипутик!

И мальчики обнялись, как братья.

ГЛАВА XIX

– Дай мне это старое перышко, тебе не надо?

– Ах, сколько у тебя грязных марок, поделись со мной!

– Слушай, эта ломаная ручка – твоя? Подари мне ее! И трамвайные билеты заодно подари. Зачем тебе сохранять трамвайные билеты?

Костя Гарцев кочует, как цыган, по классу и выклянчивает всякую ненужную дрянь у того или другого товарища.

У него оба кармана набиты доверху самыми разнообразными вещами: тут и старые поломанные перья, и испорченный ножик, и грязные марки, и засаленные картинки, и обгрызи карандашей.

Костя, как скупец, прячет и бережет свои сокровища. Если открыть ящик его стола, там можно с успехом увидеть всякую ненужную ветошь, начиная с целой коллекции старых вставочек и кончая всевозможными коробочками и даже... стоптанным каблуком.

Товарищи не любят за это Костю и называют его Скопидомом. Но Косте мало дела до этого. Лишь бы не отказывались давать все то, что может получить от них он – Костя. И он озабоченно протискивается между партами, рыженький, сгорбленный, подслепо-

ватый, и лепечет тихонько:

– Дай то, подари другое, пожалуйста, подари.

– Цыган! Скопидом! Попрошайка! – ворчат мальчишки. – И не стыдно тебе канючить!

– Не стыдно, – отвечает Костя и усиленно моргает своими подслеповатыми глазами. – Когда я наберу целый воз всякого старья, то отошлю в Китай и мне пришлют оттуда живого мальчика-китайца! Да, живого маленького китайца!

Эффект вышел неожиданный на этот раз. Поразительный эффект! Маленький живой китаец! С этим как-никак, а надо считаться! А Костя продолжает, заметив произведенное его словами впечатление:

– И он будет носить каждый день мой ранец и провожать меня в гимназию! – говорит Костя и тут же вдохновенно прибавляет с разгоревшимися глазами. – Он будет одет в длинный шелковый костюм, и у него будет коса до пяток, длиннейшая. Интересно – страсть! Все смотреть будут.

Действительно, интересно! Живой китаец! Вот так штука! И живо заинтересованный «штукой», весь класс теперь решает помогать Косте копить его сокровища. Каждому лестно иметь в своем кругу товарища, у которого есть настоящий живой маленький китаец, с косою до пят, да еще в шелковом платье.

И все тащат в ящик Гарцевав кто что может: перья,

карандаши, коробки, марки, трамвайные билеты, бумагу, камни, картинки, мелкие обломки всяких вещей и игрушек.

Ивась Янко превзошел всех, решительно всех. Придя как-то утром первым в гимназию, он притащил с собою коробку от сардинок, не вполне вымытую вдобавок, и целый остов съеденного жареного гуся и то, и другое положил в ящик Косте. И от гуся, и от коробки получился такой аромат, что Дедушка, Корнил Демьянович, вошедший в класс за мальчиками, чтобы вести их на молитву, повел носом и с гримасой отвращения на лице спросил:

– Что это, крыса что ли мертвая гниет под полом, что так пахнет?

И тут же пошел наводить справки, что бы это могло быть. У парты Кости Гарцевав резкий запах точно по носу ударил воспитателя.

– Какой ужас! – произнес Корнил Демьянович и поднял крышку.

Остатки гуся, начавшие уже портиться (гуся жарили в доме Янко дней пять тому назад), и жестянка из-под сардинок издавали самый ужасный запах.

Сконфуженный, красный до корней волос, Костя смущенно заявляет Дедушке, что все это – и гусь, и жестянка, и сам запах – ничего особенного из себя не представляет. Надо только потерпеть их немножко,

потому что иначе ни за что не получить живого мальчика из Китая.

– Что такое? Какой живой мальчик? Что за глупости! – окончательно выходит из себя дедушка после слов Кости. – Что за чушь? Какой там китаец? Не китаец, а шалости у тебя на уме.

Тогда выступают Янко и Калмык, чтобы поддержать смущенного Костю. Янко заявляет, что гуся или, вернее, скелет гуся и жестянку подарил Косте он сам и что виноват поэтому он один, только один Янко. А Калмык прибавляет, в свою очередь, что, вероятно, Корнил Демьянович не знает, что делается на свете, если он никогда не слышал, как китайцы рассылают за подобные собранные для них редкие штучки своих собственных детей.

Калмык говорит дерзко, как не подобает говорить маленькому гимназисту с его воспитателем. Калмык никак не может забыть, как неделю тому назад он шествовал в виде церемониймейстера, благодаря Корнилу Демьянович, на молитву впереди класса, и всячески старается досадить за это старику.

Но Дедушка сегодня какой-то особенно рассеянный и бледный... Он точно не замечает выходки Калмыка и усталым голосом приказывает выбросить в помойное ведро и гуся, и коробку. Потом в трех словах наскоро поясняет детям, что никаких китайских детей не

меняют их родители на всякий мусор и не высылают их в Россию, как товар, и спешит с мальчиками в зал на молитву.

ГЛАВА XX

– Франтик не придет. Истории не будет.

– Дал инспектору телеграмму: «Упал, мол, в ров – лежу нездоров».

– Нет, просто улетел в небо на воздушном шаре и оттуда прислал записку с посылным: «Мысленно ставлю Янко, Подгурину и Бурьянова по картошке, ибо чувствую из своего прекрасного далека, что названные оболтусы ни в зуб толкнуть сегодняшнего урока».

Самые отъявленные шалуны, Янко, Подгурин и Калмык, знают, чем рассмешить класс, острят немилосердно. Мальчики хохочут, прыгают, бесятся, шалят, кто во что горазд, как говорится.

Последняя фраза Янко заставляет всех хохотать до упаду.

Сегодня весело. Сегодня счастливый день. Во-первых, учитель истории, строгий и требовательный с учениками, прозванный Франтиком за свой новешенький костюм, пестрые галстуки и белый жилет, не пришел на урок; во-вторых, Корнил Демьянович, озабоченный чем-то, сидит на кафедре в глубокой задумчивости, низко опустив голову к столу, и либо дремлет, либо задумался так глубоко, что точно не видит и не

слышит всего того, что делается кругом.

Что с ним сегодня? Он такой сонный, усталый на вид, точно не спал всю ночь напролет или болен. Да что с ним?

Калмык, усевшийся на первой скамейке на месте Счастливи́чика, который играет в перышки с Янко «в раю», то есть на последней парте в углу, не сводит глаз с Дедушки.

«Вот бы проделать с ним штучку, разыграть бы на славу нашего Корнюшу», – мечтает Калмык, и его, без того маленькие, монгольские глазки суживаются еще больше и превращаются в едва видимые щелочки, которые так и блестят лукавством и задором.

С минуту Калмык подробно разглядывает Дедушку. Старик, как кажется, борется с дремотой. Его седая голова склоняется к столу все ниже и ниже, длинный тонкий нос со съехавшими на кончике его очками почти касается клеенчатой доски стола...

Еще минута, и Дедушка уснет на виду у всего класса.

Быстрая, как молния, шаловливая мысль мелькает в изобретательной голове Миши Бурьянова. Миша встает, машет классу руками, чтобы мальчики стихли, и, когда желанная тишина воцаряется в комнате, отчаянно шепчет:

– Смотрите, братцы, в оба! То-то будет потеха.

Глаза Калмыка, маленькие, быстрые, горят, как два уголька, в своих щелках. Скуластое лицо пляшет от смеха. Он быстро хватает бутылку с чернилами, находящуюся на чьем-то столе, и крадется бесшумно и ловко к кафедре.

Дедушка теперь уже не дремлет, а спит. Длинный нос со съехавшими очками и седая голова его склоняются все ниже и ниже...

В классе тишина. Все мальчики до единого впиваются глазами в Мишу. Калмык на цыпочках подкрадывается к кафедре, вынимает пробку из бутылки и... бесшумно, но быстро и ловко выливает из нее все содержимое на обитый клеенкой стол кафедры, как раз на то место, куда направлен кончик носа уснувшего воспитателя.

Потом с тою же бесшумной поспешностью возвращается на место и, подавив в себе приступ бешеного смеха, ждет, что будет. Мальчики фыркают сдержанно и тихо то в этом, то в том конце класса.

Хотя Дедушка и добрый, и милый старик, но кто же откажется от удовольствия посмотреть такую забавную проделку?

А проделка презабавная – в этом и усомниться даже нельзя. Голова Дедушки все ниже и ниже склоняется к столу, к злополучной чернильной луже. И вот кончик длинного тонкого воспитательского носа без-

мятежно купается в ней... Получается такое впечатление, точно нос Дедушки пьет чернила.

Это так нелепо и смешно, что мальчики не выдерживают и прыскают на весь класс. – Ха, ха, ха! – несется по классу бешеный хохот.

– А, что? Где я? А? – как встрепанный вскакивает со стула воспитатель, сразу пришедший в себя от этого смеха.

Но прежде, нежели вскочить спросонок, он все еще попадает носом и подбородком в чернильную лужу и...

Боже, что за лицо!

Клякса на носу, клякса на бороде, две кляксы на щеках и одна над глазами. Вид самый необычайный и, нужно правду сказать, пресмешной.

Калмык визжит от восторга и валится на скамейку. Янко не смеется, а просто-напросто ржет, как молодой разыгравшийся жеребенок. Подгурин рыдает от смеха. Даже Ваня Курнышов, благоразумный Помидор Иванович, и тот сдержанно смеется. У Счастливого глаза так и прыгают, а губы пляшут. По бледному кроткому личику Голубина и то проскальзывает застенчивая улыбка. Всем смешно.

Корнил Демьянович не может никак понять в первую минуту, почему смеются мальчики, почему так шумно в классе. Его высоко приподнятые брови и

удивленный вид, в соединении со всеми этими кляксами на лице, вызывают новый исступленный взрыв смеха.

Тогда старый воспитатель бросает взгляд на кафедру и замечает лужу. Теперь ему все понятно, все! Лицо его багровеет, жилы вздуваются на лбу, губы трясутся.

– Это нечестно смеяться над старостью, – говорит он голосом, заставляющим сразу смолкнуть весь этот хохот, – нечестно и грешно! Я виноват, что уснул, задремал в классе. Но если бы вы знали, что пять ночей я, не смыкая глаз, дежурил у больного внука, вам бы и в голову не пришла эта нелепая мысль так подшутить над уставшим, измученным стариком. У меня нет прислуги, нет никого, кто бы мне помог ухаживать за ребенком! И вот день я маюсь здесь с вами, чтобы по возвращении из гимназии весь вечер и всю ночь до утра ходить за больным мальчиком. Стыдитесь, я знаю, кто сделал это...

Корнил Демьянович хотел прибавить что-то, но тут взгляд его упал внезапно на растворившуюся дверь класса, и он смущенно замолк на полуслове.

На пороге класса стоял инспектор.

ГЛАВА XXI

– Что такое, что с вами?

Голос инспектора, Павла Дмитриевича Огнева, тревожен и беспокоен. Он с испугом и недоумением вглядывается в это, все в красных и черных пятнах, взволнованное старческое лицо Корнила Демьяновича.

– Ничего... ничего... Это случайность... Внук болен... в тифу... пять ночей не спал у его постельки и вот вздремнул сейчас... забылся настолько, что толкнул чернильницу, разлил и вот... – смущенно лепечет Дедушка, стараясь наугад стереть черные пятна с лица носовым платком, вынутым из кармана.

Мальчики, бледные, перепуганные насмерть, облегченно вздыхают...

– Не выдал! Не наябедничал! О, милый, добрый, великодушный Дедушка! О, чуткий, сердечный, чудный Корнил Демьянович!

Жгучий стыд охватывает мгновенно все эти смущенные, взволнованные маленькие сердца... Ах, зачем они были все такие злые! У него болен внук! Он не спал ночи, а они смеялись!.. Смеялись над его несчастьем!..

Инспектор тоже смущен не меньше. Ему бесконечно жаль этого доброго старика, который, как солдат на

своём посту, не оставляет долга службы даже в такие трудные минуты жизни... И в запятанном чернилами лице Корнила Демьяновича инспектор не находит ничего смешного.

– Ступайте домой, друг мой, ступайте к больному внуку скорее, – говорит он, с тем же озабоченным видом пожимая руку воспитателя, – а мы здесь, я и классный наставник, как-нибудь справимся без вас!

Корнил Демьянович колеблется с минуту, потом решительно встряхивает своей седой, как лунь, головою и смущенно лепечет:

– Да, да... благодарю вас... Мой Коля один... один на руках квартирной хозяйки... Как она за ним смотрит – бог знает... Уж я, значит, пойду... Спасибо... Спасибо...

И, крепко пожав руку инспектора, Дедушка вышел из класса, не удостоив растерянных и смущенных мальчиков ни единым взглядом.

* * *

- Господи ты боже мой, какие мы поросята!
- Нет, хуже поросят! Мы злые, гадкие, скверные людишки!
- Бессовестные мы!
- Конечно, бессовестные! Смеялись над бедным

Дедушкой, у которого лежит в тифу любимый внучек-сирота!

– И за которым вдобавок целые ночи напролет приходится ухаживать ему самому.

– А все Калмык! Все он и его штучки!

– Неправда! Все мы хороши тоже! Ржали на весь класс и никому в голову не пришло остановить Бурьянова! – слышался голос Янко, и маленький сокол пулей взлетел на кафедру.

– Братцы! Слушайте! – закричал он громко. – Мы, действительно, изрядные поросята. Сделали непростительную гадость Дедушке, а он... он чем нам отплатил? Что он – пошел ябедничать, что ли? Что он – инспектору сказал? Слышали? Нет, это не такой человек! Он ангел, а не человек, а с этого дня я предлагаю вести себя у него так, чтобы ни одного замечания, ни-ни... И слушаться Дедушку по первому слову, вот что я предлагаю, господа!

Горячие синие глаза Янко сверкали, как звезды, а милое личико мальчика пылало жарким румянцем.

– Да, да! – подхватили все остальные, окружая кафедру и во все глаза глядя на красавчика Янко. – Ивась прав... Мы должны искупить нашу вину перед Дедушкой во что бы то ни стало! Искупить! Конечно!

– А я еще предложу вам кое-что, братцы!

И с этими словами сильная коренастая фигура ма-

ленького богатыря, Вани Курнышова, не без усилий протискивается сквозь толпу и водворяется на кафедре.

– Я вам еще кое-что предложу, братцы... – слышится его громкий, звучный голосок.

Если у Янко красные щеки в эту минуту, то у Помидора Ивановича они багровые от волнения, а глаза так и искрятся, так и горят на сто малиновом лице.

– Я предлагаю следующее, – вопит Помидор Иванович, обводя весь класс своими сверкающими глазами. – Урока пения не будет. Наш Соловей (так прозвали гимназисты учителя пения) сегодня не придет. Я это узнал случайно от старшеклассников. Стало быть, уроки кончатся часом раньше. Времени терять нечего – катим, братцы, к Дедушке на дом в пустой урок. Принесем наше чистосердечное раскаяние: «Так, мол, и так, простите великодушно, Корнил Демьянович; чем мы виноваты, что уродились такие поросята». Это всем классом! Гуртом ведь дешевле... А потом... потом желающие могут остаться у Дедушки и помогать ему ухаживать за его Колей. Пускай сменяются, как на дежурстве, а Дедушка в это время выспится и отдохнет... Ну, а теперь пусть тот, что находит, что я сказал чушь и глупость, пусть попотчует меня «без права дать сдачу»! – неожиданно заключил свою речь веселой шуткой милый мальчик.

Но ни у кого не поднялась рука даже и шутя «попотчевать» находчивого Ваню. Напротив – двадцать девять пар глаз смотрели теперь с нескрываемым восторгом прямо в рот общему любимцу. Двадцать девять пар ушей жадно ловили каждое его слово.

Но едва он кончил, как веселый гомон пронесся по классу:

– Bravo! Ловко придумал! – кричали мальчики и хлопали в ладоши. – Молодчинище, Курнышов, башковитый парень! Ай да Ванюша! Ай да Помидор Иванович! Ура! Ура!

И десятки рук потянулись к нему.

ГЛАВА XXII

Внизу у швейцара, в гимназической раздевальне, записаны адреса гимназистов, воспитателей, классных наставников и учителей.

Дедушка, Корнил Демьянович Веришков, живет очень далеко – в Галерной Гавани. От Невского до Галерной Гавани далеко и пешком едва ли дойти. Туда ходит трамвай. Но на трамвай у них, мальчуганов, нет денег. Нельзя же тридцати мальчикам ехать на двадцать копеек, которые нашлись в кармане Счастливи́чика, да и то случайно. От Невского до Гавани надо за каждого по гривеннику заплатить... Сумма не малая, а всего со всех вместе приходится, значит, три рубля, ни больше ни меньше. А три рубля – это целое богатство. Три рубля на полу не поднимешь, и вот почему после долгого рассуждения Янко предлагает отправиться «по образу пешего хождения» в Галерную Гавань на «собственных рысаках». Помидор Иванович с неунывающим видом поддерживает его.

– Валяй, братцы, каждый на своей паре! – кричит он весело. – Надежные кони, что и говорить!..

– Стройся, братцы, в пары и марш маршем вперед, как солдаты, раз, два, раз, два! – перекрикивает его Подгурин. – Итак, решено... И к чему трамвай, когда

собственные ноги служат отлично.

С шумом и смехом мальчики выстраиваются в пары. Теперь уже окончательно решено идти в Галерную Гавань пешком.

– Час туда, час обратно да час для извинения, всего три часа! Засветло успеем вернуться, кроме тех, кого оставит Корнил Демьянович, – сообщает Подгурин с озабоченным деловитым лицом.

– Я останусь, – решительно заявляет Калмык, – я споросятничал, я и расхлебывать стану, всю ноченьку продежурю у больного. Всю до утра. Это уж решено.

– И я!

– И я!

– И я!

– И я! – отзываются взволнованные голоса его товарищей.

Сердце Счастливого екает. Через час придет за ним в гимназию monsieur Диро и не найдет там своего Киру. Час пройдет – его нет, два – нет, и только лишь через три часа явится домой Счастливчик. Что подумают бабушка, Ляля, няня, monsieur Диро. В доме поднимется переполох... Но не идти нельзя. Отстать от товарищей – разве можно! И потом, разве он, Счастливчик, не чувствует себя виновным перед Дедушкой, как и другие? Разве он не смеялся со всеми над его вымазанным в чернилах лицом? Ну, конечно,

смеялся. Значит, надо идти. К тому же, это так весело идти всем классом, выстроившись в две шеренги, растянувшись лентой по тротуару.

Помидор Иванович за старшего идет впереди и командует: «Левой-правой! Марш! Раз, два, раз, два!»

Едет какая-то дама с дочерью в санках, Янко выбегает из пар, становится сбоку и, скосив на даму с девочкой глаза, кричит задорно, поблескивая веселым взглядом:

– Гляди налево! Равняйся! Смирно! – и, сделав паузу, вытягивается во фронт, выпучивает глаза и, сделав под козырек, выпаливает как из пушки:

– Здравия желаю, ваше благородие!

Это очень забавно и смешно. Дама с девочкой на извозчике смеются. Хохочут и мальчишки. Уж этот Янко!

Какая-то маленькая сгорбленная старушка при виде веселых гимназистов останавливается, смотрит на них. и спрашивает с любопытством:

– Куда это вас, маленьких, бог несет? Куда идете?

– На край света, бабушка! На край света! – отзывается Верста.

– Туда, где небо сходится с землею! – вторит ему Янко.

– В страну, где молочные реки и кисельные берега! – заканчивает Калмык.

Старушка тоже смеется.

– Ишь, какие проказники! – говорит она.

– Ваша правда, сударыня! – самым искренним тоном соглашается Янко и расшаркивается перед старушкой, точно заправский кавалер на паркете.

Незаметно между шутками и смехом проходит длинный путь. Но чем ближе к Гавани, тем тише, смущеннее становятся дети... Шуток не слышится больше, смех смолкает.

– Что-то скажет Дедушка! А вдруг выгонит, не захочет слушать! – тревожно выстукивает каждое детское сердечко...

ГЛАВА XXIII

– Кривая улица, дом № 4. Здесь. Стоп, ребята. Полегонечку входи в калитку.

Помидор Иванович старается говорить твердо, но лицо у него беспокойное, встревоженное, одним словом, смущенное лицо.

За ним и у всех двадцати девяти мальчиков лица вытягиваются на четверть аршина. Глаза испуганно бегают по сторонам.

Перед гимназистами маленький ветхий домик, окруженный садом, похожий на избушку, и покосившееся крылечко. Дверь чуть приоткрыта в сени. В окно, наполовину замерзшее, глядит чье-то незнакомое женское лицо в платочке. Глядит с минуту очень удивленно, потом скрывается и на пороге показывается пожилая женщина в теплом платке.

– Вам кого? И что это вас так много? – спрашивает женщина, подозрительно поглядывая на гимназистов.

– Нам Корнила Демьяновича. На минутку. Будьте любезны вызвать его к нам, – самым умильным тоном произносит Янко, выступая вперед.

Этот умильный тон, васильковые глаза и все красивое личико Ивася делают свое дело. Старушка в платке кивает.

– Да вы не больного ли Коленьку навестить пришли? – смягчившись, спрашивает она.

Тридцать голосов хором подтверждают ее предположение.

– Коленьке лучше сегодня! В первый раз лучше за всю неделю. Я сейчас Корнила Демьяновича кликну, – поспешно говорит она и исчезает за дверью.

Шестьдесят глаз впиваются по направлению сеней. Тридцать сердечек колотятся в груди шибко, шибко... А что, если...

Но размышлять о том, что может случиться, поздно.

На пороге сеней стоит Корнил Демьянович.

– Войдите в сени, войдите, холодно на дворе. В комнату не зову. У Коли брюшной тиф. Хоть не заразительно, как уверял доктор, а все же... Здесь в сенях печка, обогреетесь по крайней мере. – говорит Корнил Демьянович, ласково похлопывая стоявших ближе к нему мальчиков по плечу.

Что-то щекочет в горлах маленьких гимназистиков.

Что-то, непрошенное, влажное, набегает на глаза.

– «Господи! Как он может говорить так с нами, злыми, негодными! Как он мог забыть так скоро!» – тревожно то бьется, то замирает каждое взволнованное сердечко...

Вдруг чье-то громкое рыдание прорывается наружу. Маленький бледный взволнованный Голубин бро-

сается к Дедушке и лепечет, всхлипывая и прижимаясь к его груди:

– Простите нас всех... всех простите... Мы пришли... все пришли... просить... простить... забыть... пожалуйста... глупые мы все... дурные... смеялись... а вы добрый... добрый...

– Ангел вы! – высокими нотками помимо его собственной воли вырывается из груди Калмыка, и Миша Бурьянов в свою очередь бросается к старику. – Вы ангел, – кричит он нервно с рвущимися в голосе слезами, – а я поросенок! Да, поросенок, потому что это ведь я! Нарочно... я... Прибить меня мало за это! Ах, прибейте меня!

И, неожиданно выпалив эту фразу, Бурьянов с залитым краской смущения лицом приникает губами к руке Дедушки.

Старый воспитатель смущен, потрясен, взволнован не меньше мальчиков.

«О, эти мальчики! Золотые у них сердца! Взбалмошные, шаловливые, проказливые головки, а сердечки – чистые росы в сердцевинах цветов», – невольно думает старый воспитатель и кладет на кудлатую головку Калмыка свою старчески-сморщенную руку.

Мальчики притихли. В сенях тишина. Только дрова весело потрескивают в печке.

И вот выступает Помидор Иванович и, срываясь от волнения на каждом слове, говорит – Мы пришли, во-первых, за прощением, а потом... с просьбою: оставьте двух, трех из нас, хоть меня, Янко и Калмыка... Мы самые здоровые и крепкие... Оставьте нас у Коленки вашего... дежурить на ночь... и сейчас вечером... А вы отоспитесь... отдохните... и, ей-богу же, мы рады послужить вам, Корнил Демьянович...

Мальчик высказался и умолк. Молчали и другие. И старый воспитатель молчал. По лицу его текли слезы. Слезы радости, счастья, гордости за детей.

Так вот они зачем пришли, эти милые взбалмошные мальчуганы!

Сердце Корнила Демьяновича залила какая-то волна, теплая, нежная, мягкая, как бархат.

Глаза, полные слез, обегали все эти милые взволнованные личики, обращенные к нему с таким светлым выражением раскаяния, преданности, ласки... И сердце Дедушки таяло от нежности и любви.

– О, – шепчет Дедушка, протягивая вперед руки, – милые вы мои, хорошие вы мои!.. Славные мальчуганы!..

Но услуг «славных мальчуганов» Корнил Демьянович все же не может принять, Коле теперь лучше: дело идет на поправку. Опасность прошла. К тому же, инспектор позволил Корнилу Демьяновичу не являть-

ся на службу, пока болен мальчик. Значит, днем, пока у маленького больного сидит хозяйка (женщина в платке, которой и принадлежит крошечный домик), он может выспаться и отдохнуть на славу.

Теперь Корнил Демьянович говорит бодро, весело. Старый воспитатель счастлив. Его мальчики – его милые дети обрадовали его, утешили. Он их понял, понял их золотые сердца.

И он прощается трогательно, ласково с детьми. Ему надо к Коле, который шевелится там, в их единственной комнатке, за плотно запертой дверью. Мальчики высказывают тысячу горячих пожеланий Дедушке и внуку. А затем притихшая ватага осторожно, стараясь не стучать и не беспокоить больного Колю, трогается в обратный путь.

По дороге – непредвиденный случай с маленьким Голубиным. Аля Голубин так устал, что буквально едва волочит ноги. Решено посадить Алю на трамвай, благо Счастливчик великодушно предлагает свои двадцать копеек.

Аля, бледный, несмотря на мороз, измученный, слабенький, после долгих отнекиваний соглашается, садится на трамвай и уезжает.

А все остальные двадцать девять мальчиков, уже далеко не с прежней веселостью, но с удвоенной энергией шагают по пустынным улицам...

ГЛАВА XXIV

– Дзинь! Дзинь! Дзинь! Дзинь!

И еще раз, но уже безостановочно одним сплошным звуком поет колокольчик.

– Дзззззньньнь! Дззззззыннннн!

– Батюшки мои! Да это наш маленький барин!

– Господи! Царица небесная! Кирушка вернулся!

– Счастливчик! Милый! Родной! Ненаглядный!

Счастливчик!

– Где он! Где он! Дайте мне его сюда! Сюда!

Целый град возгласов испуга, радости, восторга, недоумения. Целый град упреков и поцелуев сыплется на Киру: где он был, Счастливчик, отчего так поздно? Ездили в гимназию – там нет, бегали, искали по всему городу – тоже нет. Даже в полицию заявлять хотели. Право, даже в полицию. Где он был? Где он был до сих пор? Бабушка, няня, monsieur Диро, Ляля, Симочка, Аврора Васильевна, Франц – все толпятся вокруг Счастливчика, глядят на него огромными от радости и испуга глазами, ощупывают его, точно сомневаясь, он ли это, и желая убедиться, что это он сам, собственной персоной, сам маленький Кира Раев, Счастливчик. Да, это, вне всякого сомнения, он сам! У бабушки и Ляли лица белее мела, а веки красные и сле-

зы на глазах.

Они, должно быть, плакали. И сейчас вот-вот заплачут обе.

В дверь из гостиной в столовую виден накрытый к обеду стол. Чистые тарелки, нетронутые салфетки. Неужели еще не обедали, но ведь уж скоро шесть.

Сердце Счастливого тревожно бьется. Ему жаль бабушку и Лялю, жаль, что они плакали, жаль, что все голодные из-за него. И он тревожно и сбивчиво начинает пояснять причину своего отсутствия: как они «разыграли» Дедушку, как отправились в Галерную Гавань, в домик, где больной Коля в тифу, и прочее, и прочее, словом – все, как было. На лицах окружающих ужас.

Слово «тиф» производит неопишное действие.

– Ребенок в тифу!.. Он был там, где лежит больной тифозный ребенок! – вскрикивает бабушка. – Боже мой! Он заразился! Он наверно заразился! Дитя мое! Как это неосторожно, милое дитя!.. Обтереть его всего одеколоном, дать ему хины, вина, валериановых капель, уложить в постель, укутать хорошенько! Проветрить все платье маленького барина! И доктора надо, непременно доктора надо позвать! – трепещущим голосом приказывает бабушка.

Несколько секунд длится пауза, точно тиф уже здесь налицо, точно Счастливчик приговорен уже к

смерти, точно сейчас решается вопрос – жить ему или умереть.

И вдруг нежный голосок Ляли звенит:

– Но как он попал домой из Галерной Гавани! Ведь это где-то чуть ли не на краю света, а денег у него не было с собой! – тревожно вслух рассуждает девочка.

– Да, да! Как ты попал домой? – подхватывают испуганно бабушка, няня, Аврора Васильевна, Симочка и monsieur Диро.

Счастличик точно мгновенно вырастает на целую голову. Он начинает чувствовать себя в положении маленького героя. Его хорошенькая головка приподнимается с заметной гордостью, и он, тоном настоящего маленького мужчины, заявляет во всеуслышанье:

– Пешком! Я шел туда и обратно пешком!

– Ах! – не то вздох, не то вопль отчаяния срывается с уст присутствующих.

Возможно ли! Он, крошка, маленький Счастличик, человек-куколка, чуть ли не десять верст сделал пешком!

Бабушке положительно; едва не делается дурно, голова кружится, в ушах звенит.

– И один! Он пришел один оттуда! – лепечет бабушка, и слезы градом льются из ее глаз.

Счастличик сам готов разрыдаться, так ему жалко

бабушку. Он бросается к ней, хватая ее руки, целует их и шепчет:

– Нет, нет, бабушка, не один, милая, не плачь, не плачь!.. Я со всем классом шел туда и обратно, а потом... потом до дому меня довел вот он, Помидор Иванович, – и он указывает рукой на дальний угол прихожей.

В углу стоит мальчик, плотный, неуклюжий, с румяными, толстыми щеками и открытым, смелым лицом.

– Это вы привели нашего Киру? – бросается к нему, насколько ей только позволяют быстро ее костыли, Ляля.

– Да нешто он слепенький, чтобы его водить? Скажете тоже! Сам пришел! – отвечает Ваня Курнышов, который по усиленным просьбам Счастливики зашел к нему в гости.

– Вы, вы привели! Знаю! Знаю! О, какой вы славный, хороший мальчик! – шепчет Ляля и, внезапно наклонившись к Помидору Ивановичу, звонко чмокает его в щеку.

Ваня Курнышов смущается едва ли не в первый раз в жизни. Он терпеть не может «лизаться», да еще вдобавок с девчонкой. Девчонки, по мнению Вани, нечто среднее между куклой и магазином модных вещей. Терпеть он, Ваня, не может девчонок. Что от них можно ожидать хорошего?.. Ни побороться с ними, ни в

лапту, ни в городки поиграть... А между тем, печальные темные глаза, умное, задумчивое личико и костыли (главное, костыли) имеют свое неожиданное действие на Ваню.

– Бедная девочка! Она калека! – выстукивает с болью сожаления его доброе сердечко. – И он не обтирает свою щеку, как это проделывается им обыкновенно после поцелуев его сестер, и бормочет смущенно:

– Что ж такого! Ну, пришли... Ну, десять верст отмахали... Ну, и на собственных рысаках... Што ж тут худого, скажите!

Мик-Мик, неожиданно появившийся в эту минуту из соседней комнаты, откуда он наблюдал все происшедшее в прихожей, весело хохочет:

– Экая прелесть мальчуган! – говорит он тихонько бабушке. – Оставьте его у себя обедать!

– Но... – заикается бабушка таким же шепотом, – я не знаю, какой он семьи...

– О, уверяю вас, что он не самоед и не скушает всех нас вместо жаркого, – замечает, смеясь, Мик-Мик, – и притом он ведь спас нашего Киру!

– Да, да, он спас нашего Киру, – торопливо соглашается бабушка, и Помидора Ивановича решено оставить обедать.

ГЛАВА XXV

Ровно в половине седьмого садятся за стол. Ваню Курнышова устраивают между Счастливым и Миком.

За столом Помидора Ивановича приводит в неожиданное удивление все, решительно все: серебряные ножи и вилки, красиво расписанные тарелки из саксонского фарфора, золотые крошечные ложечки для соли, положенные в каждую солонку.

– Вот так убранство! – говорит Ваня, обращаясь к Счастливику.

На первое подали суп потафю и пирожки с мозгами. Щеголеватый Франц подставляет блюдо с пирожками Ване. На блюде лежит серебряный совок, чтобы при его помощи брать пирожки с блюда. Совок так и поблескивает при свете электрической лампы.

Ваня берет совок в руки, любуется им несколько секунд. – Вот так штука! – шепчет он восхищенно, потом кладет его обратно, протягивает руку к блюду и, взяв пальцами несколько пирожков, кладет их на тарелку.

– Пирожки больно жирные, – предупредительно поясняет он, как бы извиняясь перед всеми сидящими за столом, – мне жаль пачкать такую красивую штучку, – и он бросает снова восхищенный взгляд на се-

ребряный совочек.

По лицам всех проползает снисходительная улыбка. Только Мик-Мик смотрит на Ваню так, точно он невесть какую умную вещь сказал. Симочка фыркает. Ее смеющееся личико старается всеми силами скрыться за графином с красным вином, загораживающим девочку от всевидящего ока Авроры Васильевны.

Пирожки Помидор Иванович ест, посыпая солью и закусывая их хлебом. Суп он не ест, а «хлебает» так громко, как будто в столовой собран целый оркестр музыки, дающий в честь обедающих концерт. Морковь, брюссельскую капусту, стручки и прочую зелень, которую обыкновенно Счастличик старательно выуживает из супа и раскидывает по краям тарелки, Ваня Курнышов уничтожает с завидным аппетитом. Его тарелка чиста. На дне не осталось ни капельки супа. Судомойке на кухне не будет слишком много забот с его тарелкой.

На второе подана дичь. Ваня берет рябчика в руки и с громким присвистыванием и причмокиванием обсасывает каждую косточку, причем также не забывает обильно посыпать каждый кусок рябчика солью и заедать несколькими кусками хлеба.

– Наш папа говорит, что соленый огурец дольше держится, чем пресный, – смеясь, поясняет он, весе-

ло поблескивая глазами. – «Ешь, говорит он, Ваня, хлеб с солью: без соли, без хлеба худая беседа».

– На здоровье! На здоровье! Кушай, голубчик! – говорит Мик-Мик и смотрит восхищенными глазами на маленького гостя. Франц фыркает у буфета. Глаза Симочки и все лицо ее пляшут от через силу сдерживаемого смеха. У бабушки, Авроры Васильевны и monsieur Диро лица перепуганные насмерть, у Счастливого – смущенное. Только лицо Ляли всегда одинаково печально и сочувственно кротко ко всему миру. Однако Помидору Ивановичу, по-видимому, нет никакого дела до того впечатления, которое он производит сейчас на своих новых знакомых. Он занят серьезным делом. Он озабочен. На его тарелке остается еще целая лужица соуса. Соус из сметаны с маслом кажется таким вкусным Ване. Неужто оставлять такую прелесть?

И Помидор Иванович без стеснения берет кусок хлеба, макает его в соус и добросовестно отправляет себе в рот. Еще кусок – и опять в рот. Затем он куском хлеба «вытирает» остатки соуса до тех пор, пока тарелка от жаркого принимает такой же чистый вид, как тарелка после супа.

– Ух! Вкусно! – заявляет весело Ваня и сияет глазами.

С Францем, почтительно стоящим у буфета в ожи-

дании приказаний, едва-едва не делается дурно от смеха. Симочкино лицо собирается в такую гримасу, точно Симочка и не девочка вовсе, а маленькая обезьяна.

У Счастливичика, напротив того, грустное лицо. Ему очень неприятно, что его любимый товарищ в таком смешном виде!

Но вот на стол подано новое кушанье – спаржа.

Бабушка, Аврора Васильевна и Ляля осторожно берут в пальцы белые круглые стебли, макают их в сладком соусе и сосут. Ваня во все глаза смотрит и на странное, еще никогда невиданное им, блюдо, и на способ его еды. Его рот широко раскрыт, глаза тоже.

– Ха, ха, ха, ха! Белые червяки! Ну как есть черви! – внезапно раздражается он веселым смехом.

Бабушка делает строгое лицо.

– Не хотите ли попробовать, дитя мое? – стараясь быть любезной с маленьким гостем, спрашивает бабушка.

– Да што вы! Нешто я гусь, что червяков есть буду! – испуганным голосом кричит Ваня, да так громко, точно он не в доме богатой и важной барыни, а где-нибудь в огороде или на плацу.

Новое смущение, новые взгляды, новый испуг. Только лицо Мик-Мика с минуты на минуту делается все веселее и веселее, да глаза его, обращенные к

Ване, горят восторгом.

– Славный мальчуган! – тихонько шепчет он бабушке, и взгляд его смеется.

На третье подали бланманже. Едва только блюдо с ним очутилось перед Ваней, как он спрашивает тревожно:

– А это не крахмал? Больно на крахмал похоже! У нас мама каждую стирку наводит много крахмалу. Такой же белый и густой.

– Нет, нет, это не крахмал, а сладкое бланманже, кушайте без страха! – торопится успокоить Ваню с улыбкой Ляля.

– Как? Блан-ман... Блан-ман... – тянет Помидор Иванович со смехом. – Вот-то чудное слово!

– Бланманже! Это по-французски! А вы умеете говорить по-французски? – неожиданно вступает в разговор Симочка.

– Маленечко, – лукаво сощурившись, отвечает Ваня и смеясь добавляет быстро-быстро:

– Вот например: мадмазель-фрикадель де бараньи ножки, труляля тон бонжур, де маркиз, абрикос, фу, фу, фу, ну, ну, ну, нон мерси погоди, пардон, ля гронде фортепьяно!

Все смеются. Даже бабушка на этот раз улыбается. Только monsieur Диро не до смеху: его язык, его родной язык! Как можно так коверкать! А Ваня, как ни

в чем не бывало, с аппетитом продолжает уписывать бланманже и его тоже заедает хлебом.

– Вы сыты? – спрашивает бабушка Ваню перед тем как встать из-за стола.

– Спасибо! Маленечко сыт! – неожиданно откровенно отвечает мальчик.

Брови бабушки поднимаются высоко.

– То есть как же это? – изумленно протягивает она.

– Очень просто. Я к таким воздушным кушаньям не привык дома. У нас щи да каша каждый день. И хлеба сколько влезет... А вон у вас хлеб-то ровно краденый: не понять – ломоть это либо бумажка. Уж больно нарезано тонко!

– Франц, – обращается бабушка с обиженным видом к лакею, который продолжает корчиться от смеха, – принеси нашему гостю щи, кашу и ломоть хлеба с солью.

– Нет! Нет! Покамест не надо, спасибо. Пускай на ужин останется... А пока я заморил червячка. До вечера сыт буду, – откровенно сознается Ваня и первый встает из-за стола.

Все крестятся на образ, мимоходом, незаметно, точно хотят скрыть это друг от друга.

Помидор Иванович – не то: Помидор Иванович выходит на середину столовой, становится перед самым образом, размашисто крестится широким крестом и

кланяется в пояс. Потом отыскивает глазами бабушку, кланяется, протягивает ей руку и громко говорит:

– Спасибо за угощенье! Премного вами доволен.

Симочка неистово взвизгивает и, давась от смеха, пулей вылетает из столовой.

ГЛАВА XXVI

– Это еще что за чучело?

Глаза Курнышова полны изумления. Перед ним нарядная клетка, в клетке попугай. Попугай смотрит на Ваню, Ваня на попугая, Симочка и Счастличик то на того, то на другого.

– Это Коко, – предупредительно говорит Счастличик, – он ученый, говорящий попугай. Спроси его что-нибудь, он тебе ответит.

У Вани глаза чуть ли не выкатываются на лоб от изумления.

– Да ну-у-у? – тянет он, заинтересованный в высшей степени ученым попугаем, и, обращаясь к последнему, говорит громко:

– Здравствуй, ощипанный хвост!

Хвост у Коко действительно несколько ощипан. Коко линяет. Но это не мешает Коко считать себя, по всей вероятности, самой красивой птицей в мире, и замечание Вани, должно быть, не особенно-то лестным кажется ему.

– Фю-фю-фю-фю! – сердито свистит Коко, который терпеть не может, когда торчат чужие около его клетки.

Ваня еще раз кричит:

– Здравствуй, ощищенный хвост!

Громким голосом отвечает Коко из клетки:

– Здравствуй, миленький!

– Ха-ха-ха! Вот так молодец! – веселым смехом заливается Ваня. – Ха-ха-ха-ха!

– Ха-ха-ха-ха! – неожиданно повторяет попугай, – ха-ха-ха-ха!

– Вот видите, он не сердится больше! Он смеется! Суньте ему палец, он почешет об него головку! – говорит Симочка самым невинным тоном.

Симочка – коварное существо. Симочка любит иногда подвести других. Симочка – проказница и шалунья.

Не предвидя злого умысла со стороны Симочки, Помидор Иванович просовывает палец в клетку, прежде нежели Счастливчик успевает остановить его.

– Ай-ай-ай! – неистово вскрикивает Ваня. – Что за скверная птица!

– Скверная! Меня зовут Коко! – невозмутимым голосом заявляет попугай.

Палец Вани в крови. Коко умеет быть злым и клюется не на шутку.

Симочка хохочет, несколько смущенно, правда, но все-таки хохочет.

– Как тебе не стыдно! – говорит Симочке Счастливчик и бросает на девочку уничтожающий взгляд.

Из пальца Вани кровь льется как из фонтана. Симочке не до смеха сейчас. Ей совестно и страшно. Ах, зачем, зачем она сделала это!

На пороге комнаты неожиданно появляются бабушка и Мик-Мик.

– Что такое? Кровь на полу? Ты ранен, ты ранен, Счастливчик? – испуганно бросается бабушка к своему любимцу. Но внезапно бабушка замечает прокушенный палец Вани и вмиг соображает, в чем дело, и произносит громко:

– Сейчас же воды сюда, пластырю, бинтов! Симочка мчится, как на крыльях, за домашней бабушкиной аптечкой.

Счастливчик очень взволнован. Он боится за Ваню, боится, что негодный Коко совсем откусил палец его другу, и трусит за Симочку: неужели Ваня выдаст Симочку и ее накажут?

– Как это случилось? – допытывается бабушка и хмурит тонкие брови.

– Очень просто, – предупредительно поясняет Помидор Иванович, – я сунул палец в клетку, а он меня хватать...

– А он меня хватать! – точно передразнивая, подтверждает из клетки Коко.

Это смешно. Все смеются, и Ваня тоже.

– Занятная птица! – говорит Ваня, протягивая па-

лец бабушке, которая, обмыв его, забинтовывает укушенное место принесенным Симочкой бинтом.

Ловкие пальцы бабушки сделали свое дело: кровь унялась, не идет больше.

– Ну, что, как вы себя чувствуете, мой друг? – осведомляется тревожно бабушка.

– А что мне делается! – беззаботно, тряхнув своей стриженной головою, говорит Ваня. – Вот только жалко, что рука-то правая. Не больно-то попишешь ею в гимназии теперь да и работать дома не скоро придет-ся...

– А вы что же работаете дома? – живо заинтересовывается Валентина Павловна.

– Как что? Обыкновенно! Утром дрова колю, печку топлю, самовар ставлю... Из гимназии когда приду, посуду маме мыть пособляю. Ведь отец шьет сапоги. А у матери на руках трое малышей. Вот и выходит, что времени-то у них не больно-то много... А я самый старший. Кому же и пособлять родителям, как не мне! – без малейшей гордости заключает Ваня.

Бабушка, Мик-Мик, Симочка и Счастличик переглядываются между собою. В глазах бабушки мгновенно затепливается что-то неизъяснимо ласковое, доброе. Этот стриженный краснощекий мальчик точно вырастает в ее глазах на целую голову: «Милый, милый краснощекий мальчик. Так вот он каков!»

Глаза бабушки улыбаются и ласкают Ваню.

– А уроки-то! Уроки когда вы успеваете выучить, голубчик? – спрашивает она голосом, в котором так и прорываются невольно мягкие, сочувственные, ласкающие нотки.

– Уроки! А вечер на что? – и быстрым взмахом ресниц Ваня вскидывает глаза на бабушку. – Вот, как вечером уберем ужин, помогу маме уложить ребятишек, тогда и сажусь за уроки. Времени мне мало что ли? Слава тебе, господи, до десяти часов много выучить можно.

– А другие спят? – осторожно осведомляется бабушка.

– А то как же? Папа у нас старенький, день в работе, с пяти часов встает. Когда ж ему и выспаться, как не ночью? А маму вовсе за день ребята одолеют. Ей тоже покой нужен.

Ваня задумывается на минуту. Небольшие бойкие глазки его широко раскрываются и принимают такое мягкое, светлое выражение, какого еще у него не видел Счастливчик. Улыбкой озаряется милое, добродушное, полное лицо Вани, и он говорит тем захватывающим, грудным, глубоко-прочувствованным голосом, который вливается прямо в душу.

– Эх-ма, кабы гимназию окончить поскорее, ученым бы стать, папе помогать... Открою ему мастерскую,

настоящую, большую, помощников найму... Отдохнет тогда мой папочка, хороший наш, отдохнет... И мама тоже...

Глаза Вани сияют, точно две звездочки с далекого неба. А некрасивое обычно лицо теперь почти что прекрасно какой-то новой, необыденной, трогательной красотой. Бабушка и Мик-Мик долго смотрят на Ваню. В лице бабушки умиление. В лице Мик-Мика восхищение, восторг. Этот милый, благородный мальчик совсем покорила сердца обоих... Однако наступило время прощаться. Всем было жаль расставаться с милым, благородным мальчиком. Счастливчик благодарил его за все, с сожалением поглядывая на забинтованный палец Вани, а Симочка шепнула:

– А за то, что не выдали меня, спасибо.

– Вот еще! – бесшабашно потряхнул тот своей стриженной головкой. – С попкой познакомился... Заживет до свадьбы! – и, кивнув всем на прощанье, нахлобучил на плечи свое старенькое, заплатанное пальто и исчез из роскошной квартиры Раевых, оставляя за собою самое светлое, самое лучшее впечатление.

ГЛАВА XXVII

Дни, недели, месяцы...

Время бежит так скоро, точно гонится с кем-то вперегонку. Счастливчик совсем не замечает его.

Утром – гимназия, днем – гимназия, потом прогулка до обеда с monsieur Диро, обед; вечером Мик-Мик и уроки. Нету времени поиграть и пошалить с Симочкой. В девять чай и... «пожалуйте на боковую».

Счастливчик учится хорошо. Много рублей насчитывается у него в копилке, еще больше полтинников. Если так будет продолжаться – к масляной у Счастливчика появятся часы.

Вот подошло и Рождество. В первые две четверти у Счастливчика отметки – одна прелесть. Поэтому Рождество Счастливчик проводит, как настоящий владетельный принц. Елка у них до потолка и разукрашена, как сказочная царевна.

Едут в цирк, а затем еще на детский бал, куда везут Киру и Симочку, одетых так нарядно, что «ни в сказке сказать, ни пером описать», по выражению няни. Потом ложа в театре на детское представление и встреча Нового Года в кругу семьи.

Проходят праздники, проходит Крещение. Снова начинаются занятия. Снова пятерки и четверки сып-

лются в классный дневник Счастливлчка и снова прибавляются рубли и полтинники в Кириной копилке. Еще немного таких рублей и полтинников, и у Счастливлчка будут часы, купленные на «свои деньги»...

Часы! Золотые, настоящие прекрасные, долгожданные! Часы!

Когда Счастливлчек с Мик-Миком отправились покупать их, Счастливлчек торжественно нес в руках свою серебряную копилку, в которой при каждом шаге звенели рубли и полтинники. Кире казалось, что все смотрят на него с таким выражением, как будто хотят сказать:

– «Вот идет мальчик, который приобретет сейчас золотые часы в награду за прилежание».

В магазине они с Мик-Миком учинили настоящее столпотворение Вавилонское, отыскивая такие именно часы, каких даже не бывает на свете, и какие только разве снятся во сне вполне благонаравным мальчикам.

Долго-долго рассматривали они на полках футляры с часами, перебрали около сотни коробок и футляров и, наконец, остановили свой выбор. Мик-Мик похвалил часы, и этого было довольно, чтобы и Счастливлчек загорелся к ним самой искренней любовью.

– Вот эти! Вот эти! – кричит в забывчивости Счастливлчек так, что и приказчики, и покупатели, и толстый

кассир глядят на маленького потешного гимназистика и снисходительно улыбаются ему. Впрочем, толстому кассиру суждено не один раз улыбнуться, пока маленький гимназистик и высокий студент находятся в магазине. С чеком в одной руке и с копилкой в другой Счастливчик подходит к кассе и без малейшего смущения высыпает перед лицом толстого кассира все содержимое копилки.

Рубли и полтинники валятся со звоном. Кассир удивлен чрезвычайно.

Мик-Мик ему поясняет:

– Все эти деньги собраны за прилежное ученье.

– А-а! – улыбается кассир. – Очень приятно, очень приятно!

Наконец футляр с часами завернут в бумагу и лежит в кармане. С сильно бьющимся сердцем Счастливчик покидает магазин.

Ему страшно хочется выскочить на середину улицы и прокричать «ура» в честь своей покупки.

Но Счастливчик знает, как это неприлично: надо уметь сдерживать себя и стараться быть маленьким мужчиной.

И маленький мужчина с сияющей рожцей шагает подле Мик-Мика.

Дома часы вызывают целую бурю восторга. Особенно восхищаются няня, Симочка, Франц.

Ляля неожиданно отводит Киру в сторону.

– Вот это тебе в подарок от меня на память... Я сама на свои деньги купила... Копила тоже... – и сует что-то блестящее маленькое золотое в руку брата.

Ах! Это цепочка! Золотая цепочка к часам! И так неожиданно, сюрпризом, чего даже и не подозревал Счастливчик.

О, милая, милая Ляля!

Счастливчик сначала душит поцелуями сестру, у которой глаза так сияют, как два маленькие солнца. Потом он прицепляет часы к цепочке и прыгает от счастья.

В этот вечер Счастливчику не спится. Няня положила ему часы под подушку, потому что Кира заявил, что не ляжет в постель без них. Часы тикают! Тикает им в тон и бьется сердце Киры. А завтра, завтра мальчики всем классом увидят новые часы Счастливчика. Что-то они скажут? Что скажут?

– Батюшки! А история-то? Он забыл со своими часами, что надо выучить историю на завтра. И не сказал об этом Мик-Мику. Мысли были в часах с цепочкой. Часы и цепочка помешали. Одна теперь надежда: Франтик не спросит.

– Ну, конечно не спросит! Вызывал в начале недели, – бесшабашно решает Счастливчик и, вытащив из-под подушки часы, любуется ими в сто первый раз.

Потом снова прячет свое сокровище под подушку и медленно, точно нехотя, засыпает.

В эту ночь странный сон снится Счастливику. Ему снится урок истории, Франтик. Но у Франтика вместо его обычного учительского лица – новые часы, а сзади, точно коса у китайца, болтается цепочка... Часы-голова сердятся на Счастливика, потому что Счастливик не знает заданного урока. И голова-часы ставят Счастливику единицу...

ГЛАВА XXVIII

Уже в гимназической швейцарской, куда Счастливич попал сегодня ровно за полчаса до молитвы, приходится показывать часы.

Всему классу было известно еще за три недели по крайней мере о предстоящей покупке, и каждый вновь появляющийся в раздевальне первоклассник считает своим долгом спросить:

– Ну, что, купил?

И прибавляет тут же:

– Показывай, показывай скорее! Счастливича торжественно ведут на лестницу и заставляют его вынуть часы из кармана.

– И с цепочкой! Братцы, у него и цепочка есть! Со-всем важный барин! Фу-ты, ну-ты!

– Покажи, покажи, Лилипутик! Дай поддержать, в ру-ки-то дай, не съедим! – звучат вокруг Счастливича дрожью любопытства детские голоса.

Счастливич показывает часы, снимает их, дает под-держать то тому, то другому.

– Ах, прелесть! – искренне вырывается при виде красивой и изящной вещицы из уст каждого.

Один Помидор Иванович глубоко равнодушен к ча-сам. Взглянул мельком, одобрил, и через минуту его

веселый звонкий голос звучит откуда-то сверху.

– Эй, братцы, расступись! Спуск к центру земли совершаю!

Вы знаете, что такое спуск к центру земли? Нет, не знаете. И не мудрено: чтобы знать это, надо быть гимназистом и гимназистом преимущественно маленьким, старшие никогда не совершают ничего подобного, они слишком серьезны для этого. Предпринимающий спуск гимназист садится верхом на перила лестницы и скользит по ним до самого низа, причем чем выше начинается спуск, тем больше молодечества для спускающегося.

Сейчас Помидор Иванович катит чуть ли не с самого верха.

Это очень опасно. Лестница высокая. Может закружиться голова. Можно потерять равновесие, упасть на каменные ступени и расшибиться до крови.

Поэтому все сразу оставляют Счастливищиковы чаши в покое и общее внимание сосредоточивается на Ване.

Ваня катит по перилам. Лицо – краснее обыкновенного, глаза щурятся с видом разлакомившегося котенка. Весь он так и сияет.

Чем дальше спуск, тем быстрее, стремительнее катит Ваня.

– Легче, легче на поворотах! Гляди в оба, Помидор

Иванович! – кричат ему мальчики.

Но Ваня ничего не слышит. Летит стрелою, только глухо чикает по временам.

– Готово! Теперь я у центра! – весело кричит он, докатившись до самого низа и очутившись в толпе друзей.

– Теперь я! Теперь я! – визжит Янко и чуть ли не через пять ступеней взлетает наверх.

Раз! Два! Три! И синеглазый Ивась уже мчится стремительно вниз, скользя по перилам. Рот улыбается широко-широко, глаза горят.

– Дух захватывает! Чудо, что такое! – объявляет он, спустившись, товарищам. – Ах, хорошо!

Счастливец смотрит с завистью. А что, если ему спуститься разочек?..

Ах! Нет, нет!.. Ведь он не знает урока истории. Со всем не знает. Надо хоть раз до молитвы прочесть историю.

Два голоса спорят внутри Счастливика: один благоразумный, другой шальной.

Благоразумный говорит: «Повтори урок! Повтори! Ведь только десять минут осталось до молитвы». Шальной перекрикивает: «Ну, вот глупости! Спускайся лучше. А урок во время молитвы прочтешь, да и не спросит тебя Франтик».

Счастливец на минуту задумывается. Потом реши-

тельно вынимает из кармана часы и передает их Голубину.

– Подержи, Голубчик!

– Ну, ты не больно-то форсись твоими часами, – замечает Калмык, – какой барин!

Но Счастливчик уже ничего не слышит. Стрелой взлетает он на лестницу, на самый верх, перекидывает ногу через перила и начинает скользить. Сначала медленно, потом быстрее, еще быстрее, наконец вихрем несется вниз. Дух захватывает... Сердце екает... Ах, какая быстрота! И жутко, и приятно!

– Вот бы бабушка увидела, Леля, Ами! – думает Счастливчик. – Вот бы испугались-то!.. А Мик-Мик бы увидал, похвалил бы наверное! Ну, конечно, похвалил бы! Сказал бы: «Да вы настоящий маленький мужчина, Кира! Смелый. Бесстрашный». И Счастливчик мчится вниз, едва-едва успевая взглядывать на товарищей.

Но что это? Веселые лица делаются испуганными. Голоса, подбадривающие Счастливчика, смолкают... И вся толпа перепуганных мальчиков отшарахивается в сторону. В самом центре земли, то есть в самом низу лестницы, у перил, стоит кто-то черный и высокий, с чем-то белым на груди. Счастливчику нет возможности рассмотреть, кто это, нет возможности остановиться. Он скользит теперь вниз с головокружитель-

ною быстротою и со всего размаха ударяется в чей-то живот и кубарем валится набок.

ГЛАВА XXIX

Счастливичик поднимается со ступеней, потирает ушибленный бок и коленку и смотрит, смотрит на смерть перепуганными глазами. Перед ним – учитель истории, тот самый, которому Счастливичик не выучил урока, – высокий, тонкий, со строгим молодым лицом, нахмуренный гневно, в новом с иголочки вицмундире, с белой манишкой, весь свежий, чистенький, опрысканный духами. Счастливичик ткнулся головой в самый его живот, смял манишку, едва не сшиб с ног.

– Это еще что за шалости? – сердито кричит Франтик. – Как можно так беситься? Сам красный, глаза вытаращены! Бог знает, что за вид! На кого вы похожи? – еще сердитее выкрикивает учитель.

Счастливичик смущен. Учитель спросил – значит, надо отвечать. Но что ответить? На кого же он, Счастливичик, похож?

Счастливичик с секунду трет лоб, как бы что-то сообщая. Потом поднимает ошалелые глаза на учителя и выпаливает, как ракета:

– На бабушку и на Лялю.

– Что?! – глаза у учителя истории округляются от негодования. – Что-о? Что вы сказали?..

– Я сказал, что я похож на бабушку и на Лялю! – спо-

койно повторяет Счастливчик и вдруг замечает свою ошибку. – Простите меня, пожалуйста, – прибавляет он, – я вас, кажется, ушиб!

Франтик, то есть учитель истории, хочет рассердиться и не может.

– Будьте впредь осторожнее, – говорит он сурово и спешит в учительскую наверх.

Сконфуженный Счастливчик уныло плетется сзади. Урок истории окончательно позабыт. Разве после такой катастрофы есть возможность думать об уроке?..

* * *

– Подгурин, Казачков, Раев...

Голос Франтика звучит раздраженно. Толчок Счастливчиковой головы еще ощущается неприятным воспоминанием в животе учителя. Подгурин и Казачков, ленивые ученики, встают на этот раз с довольными лицами. Они успели выучить урок накануне. Счастливчик поднимается со своего места с лицом блее мела. Его осеняет страшная мысль.

– Отвечайте! – сурово бросает Франтик. Счастливчик испуганно моргает своими огромными глазами и молчит.

– Ну, что же вы? Молчит.

– Урок выучили? Счастливчик снова молчит.

Только глаза хлопают, хлопают, хлопают.

– Можете идти, я ставлю вам единицу. Вот видите, шалости не доводят до добра! – совсем уже раздраженно говорит учитель и ставит Счастливику в журнал тощую, узенькую, как паутинка, единицу.

– Ах, что скажет Мик-Мик?! Что скажет его добрый, милый репетитор?!

Счастливчик грустно бредет на место, устало садится на парту и опускает голову на грудь.

Маленький Голубин, зная, чем можно утешить Счастливику, преисполненный жалостью к своему другу, шепчет, наклоняя к нему личико с обворожительной улыбкой:

– У тебя есть часы, Счастливчик? Скажи, который час, я хочу знать, много ли осталось времени до конца урока.

Счастливчик лезет в карман, вынимает часы, бросает на них взгляд безнадежного отчаяния и шепчет в забывчивости, к полному изумлению Али:

– Половина тринадцатого...

ГЛАВА ХХХ

– Война! Господа, война! Объявлена война на дворе в большую перемену! – раздается звонкий голосок Янко, разом наполнивший все углы и закоулки огромного класса.

– В одних куртках можно пойти! На дворе сегодня совсем тепло. Солнышко светит. Дедушка в одних куртках позволил! – перекрикивает его Калмык и, как волчок, кружится на одном месте.

Счастличик и Голубин стоят и с аппетитом завтракают Счастличиковой булкой с начинкой. Сегодняшний печальный случай с единицей еще свеж в душе Счастличика. Но что же делать? Нельзя же изменить дело, нельзя ожидать чуда, чтобы кол вдруг превратился волею судьбы в пятерку! Счастличик достаточно грустен и даже как будто похудел и осунулся со времени злополучного урока.

Но весть о предстоящей снежной войне, по мановению волшебной палочки, преобразует Счастличика.

Последняя война! В эту зиму, по крайней мере. Скоро стает снег и его рыхлые комки, которыми так легко и весело бросаться, исчезнут вовсе, и тогда нельзя будет уже играть в веселую игру.

– Идем! – решительно заявляет Счастличик Голу-

бину и хватает его за руку.

– Я не пойду, – мнется с минуту на месте маленький Аля, – у меня что-то горло болит.

– Пустяки, – говорит Счастливичик, – завтра принесу тебе конфеты от кашля, их у бабушки много, а сейчас бежим на двор.

– Как?! В одних куртках? – ужасается Аля.

– Нет, для тебя принесут одеяло! – хохочет Янко, пробежавший мимо и услышавший эти слова.

– Ведь ты слышал? Дедушка позволил не надевать пальто, – уже нетерпеливо роняет Кира, которому очень хочется быть, как и все другие мальчики, в одной куртке.

– Вот бы наши узнали – была бы буря! – вихрем проносится в голове Счастливичика быстрая мысль.

– Ну, катим во двор, что ли, братцы! – и, не ожидая ответа, Янко, со свойственной ему живостью, подхватывает на руки Голубина, сажает его на плечо и тащит на лестницу.

Развеселившийся, оживленный, Счастливичик мчит-ся за ними.

На дворе война уже в самом разгаре. Комки рыхлого, липкого снега так и носятся с одного конца на другой. Бомбардировка идет по всем правилам военного искусства. Мальчики разделились на два лагеря и дерутся, залепляя друг другу снегом носы, уши, глаза...

– К нам! К нам, Лилипутик! – неистово кричит Помидор Иванович, хватая за руку Киру и втаскивая его в свою толпу, которой он командует, как настоящий предводитель.

Янко с Голубиным очутились в противоположном лагере. Они сейчас Счастливычковы враги.

– Ну, берегись!

Белые снаряды летят теперь с удвоенной быстротой. Визг, шум, хохот, крики!..

– Братцы, в рукопашную, – кричит Янко, – и первый налетает на Курнышова. Снежные бомбы забыты.

По всей линии идет настоящий бой.

– Господа! Пленников в дровяной сарай! – раздаётся над головами борющихся голос Курнышова. И Помидор Иванович тащит куда-то в угол двора высокого упирающегося Версту, отчаянно отмахивающегося от него руками и ногами.

Но – бац! Вывернулся Верста и налетает на Подгурина... Новая схватка, и оба с хохотом валятся в сугроб.

Счастливычик, как вихрь, носится по двору... Схватывается то с тем, то с другим, борется, хохочет... Пусть другие больше, сильнее его... Он зато такой увертливый, быстрый, подвижный и ловкий... Ему весело и любо... Любо, как никогда... Глаза горят, щеки тоже. Жарко ему, точно в печи... Ах, если бы можно

было снять куртку!

– Пленников в сарай! – слышен снова чей-то веселый выкрик.

На минуту перед Счастливым мелькает худенькое, маленькое, но порозовевшее от возни личико. Это Голубин. Вот с этим справиться легко. И, не рассуждая слишком много, Счастливчик, не помня себя от охватившего его веселья и задора, хватается за руку Алю, протаскивает его через двор и силою вталкивает в открытую дверь пустого сарая, не обращая внимания на испуганные крики Голубина, на его молящие глаза.

– Один пленник у нас есть! – кричит он, поворачивая свое оживленное личико к товарищам, и, быстро захлопнув дверь сарая, запирает ее на задвижку.

– Ах, инспектор!

Действительно, инспектор. Его лицо показывается в раскрытую форточку учительской. Он недовольным голосом кричит:

– Назад, в класс! Не умеете себя вести! Слишком шалите на дворе!

И сконфуженные мальчики спешат в класс.

ГЛАВА XXXI

Но не так-то легко удержать поток разом нахлынувшего веселья. И в классе продолжается невероятная возня.

Теперь героем минуты является Янко.

Янко великолепно умеет плясать свой малороссийский гопак. И сейчас непреодолимое желание протанцевать его неожиданно охватывает Янко. Ивась вылетает на середину класса, подбоченивается и искрящимся взглядом обводит товарищей.

– Кто хочет изображать оркестр? – выкрикивает он звонко.

О, желающих слишком много! Калмык в одну секунду извлекает из кармана старую с поломанными зубцами гребенку, прикрывает ее бумажкой и начинает выводить на ней душераздирающую мелодию.

– Это из оперы «Не тяни kota за хвост», – предупредительно поясняет он товарищам.

Все хохочут. Подгурин берет жестяной пенал и водит им по металлической линейке. Получается режущий звук, точно где-то пилят дрова.

– Скрипка – первый сорт! – заявляет самодовольно Подгурин.

Счастливику тоже хочется изображать музыканта.

Он еще не может отделаться от охватившего его веселья. Но где же взять инструмент? К счастью, выручает его Костя Гарцев. В учебном столе Скопидома, бог весть откуда, оказалась между прочим мусором какая-то старая труба, не то игрушечная подозорная, не то настоящая от маленького самовара... Не все ли равно? Раз есть инструмент, кому какое дело до того, что он из себя представляет.

– Труби! – неожиданно вдохновляется Костя и передает трубу Счастливику.

Тот жадно приставляет ее ко рту...

Гребенка, визг линейки и труба – о, что за ужасная, потрясающая сердце музыка! Под эту музыку Ивась пляшет гопак, напевая во весь голос мотив его, помимо оригинального оркестра.

Ивась пляшет прекрасно. Точно маленький дух носится он по середине класса.

Его ноги отбивают изумительно быстро мелкую дробь. Его щеки пылают алым румянцем, его глаза вдохновенно горят. Кудри так и вьются вдоль разгоревшегося личика.

Ивась – настоящий красавец и такой ловкий, такой быстрый, такой грациозный. Мальчики аплодируют Ивасю. – Bravo! Bravo, Ивась! Бис! Бис!

А гребенка звенит, линейка пищит и труба трубит, на всю гимназию. И сердце Счастливика трубит за-

одно с трубой.

Что бы выкинуть еще такое особенное, чтобы и самому и другим весело стало! Ивась пускается вприсядку, откидывая ноги вправо и влево, припевая и пристукивая каблуками.

– Гоп, мои гречаныки, гоп, мои билы! – выкрикивает Ивась.

Счастливчик не помнит себя от восторга и бросается вприсядку рядом с Ивасем, не переставая однако трубить в свою ужасную трубу. Теперь пляшут двое: Ивась и Счастливчик. Ивась – хорошо, искусно, красиво и ловко, Счастливчик – как резвящийся лягушонок, смешно и потешно шлепаясь каждую минуту на пол при дружном хохоте зрителей.

Неожиданно смолкает гребенка, перестают пилить линейка и пенал. Хохот тоже смолкает вдруг неожиданно, как по команде. На лицах мальчиков смущение и испуг.

На пороге класса стоит Петр Петрович и сердито кричит кому-то:

– Очень хорошо! Прекрасно! За историю единица, а ему и горя мало! Что с тобой сделалось, а?

Счастливчик смотрит на классного наставника таким взглядом, точно это не классный наставник, а бенгальский тигр, который вот-вот сейчас проглотит его. От смущения и испуга Счастливчик продолжает тру-

бить. Ужасные звуки вылетают точно сами собою из злополучной трубы помимо всякого желания Счастливого.

Ах, эта ужасная труба совсем не знает приличий!

– Это еще что за дерзость! – кричит Петр Петрович и, выхватив злополучную трубу, бросает ее на пол. – Оставайтесь на два часа после уроков, Раев, Янко, Подгурин и Бурьянов! – строгим голосом говорит он.

Счастливчик совсем опешил.

Что же это такое! Что за несчастный день сегодня!

Ах ты, господи! Противная труба!

ГЛАВА XXXII

Счастличик наказан впервые в жизни.

Подгурин, Бурьянов и Янко уже и счет потеряли тем разам, в которые они оставались в гимназии после уроков. Им как будто даже нисколько это не неприятно: порешили играть в перышки, а то и выспаться под скамейкой.

Ровно в половине третьего первый класс расходится по домам.

– Где Голубин? – произносит тревожным голосом Дедушка, заглядывая в лица своих воспитанников.

– Голубина нет, он ушел домой! – отвечает равнодушно чей-то голос.

– Нет, он не ушел. Его мать пришла за ним. Где же Голубин?

– Да, где же Голубин?

– Братцы, да мы его с самой большой перемены не видели. С двенадцати часов. Где же он, правда?

Это говорит Помидор Иванович, и голос его вздрагивает от волнения.

– Да, не видели! Аля, Голубин, Голубчик, где ты, откликнись!

Вдруг Счастличик, как встрепанный, вскакивает со своего места.

– Боже мой! Господи! Да ведь Голубин в плену! Он заперт в сарае! Ах! Я запер его тогда еще, во время игры! – кричит он звенящим от волнения голосом. – Что я наделал?! Что я наделал?!..

И не слушая ни классного наставника, ни воспитателя, Кира выбегает из класса и по коридору, лестнице, через сени спешит на гимназический двор. Сердце его стучит, как молот, так громко и сильно, что даже как будто слышно его биение. Внезапно перед мысленным взором мальчика предстает образ худенького, слабенького Голубина, смотревшего на него испуганно-смущенными глазами, когда он тащил его в сарай. И он все-таки втощил его туда, втощил, втокнул и запер... Запер и забыл выпустить... О, недобрый, нехороший Счастливчик! О, злое маленькое сердце!

Забыть хрупкого, болезненного мальчика в холодном сыром сарае для дров, да еще в одной куртке!.. Замирая от ужаса, взволнованный, потрясенный, Счастливчик бросается туда.

Что это? Сарай открыт! Дверь его настежь!

– Где Аля? Где Голубин? – кричит в отчаянии Счастливчик, увидя дворника, подметающего двор.

Молодой, глуповатый на вид парень улыбается.

– Товарища изволите искать, барин? – говорит он, широко ухмыляясь всем своим простодушным лицом, – нет их, тю-тю, пропали!

– Как пропали? – широко раскрывает испуганные глаза Счастличик, и лицо его делается белым как полотно.

– Да так, – ухмыляется парень и добродушно смеется. – Пропал, вот и все. Иду, эта, я полчаса назад в сарай, вижу – барчонок лежит, продрогший у дров-то, скорчившись, весь посинелый и слезки на щеках. Видать, плакали... Лежит и спит...

– Посинелый... слезки... спит... – растерянно повторяет Счастличик и весь дрожит, как в лихорадке.

– Я его будить... Он, сердешный, на головку жалится. Головка, вишь, у него заболела... Надо думать, заболит! Два часа дрыхнуть в холодном сарае...

– Ах! – роняет Счастличик, и зубы его стучат, и весь он трепещет, как былинка от бури.

– Господи! Куда же вы его дели? – стоном срывается с его похолодевших губ.

– Домой отправил. Взял и отвел домой. А мамыши его не было, значит; за ним чтобы идти, из дому вышли. И не знают мамаша, что болен их сынок.

– Болен? – глухо вскрикивает Счастличик, и точно невидимые когти разрывают его сердце на десятки кусков.

– Горячий... известно болен! Как до постельки добрался, так и повалился навзничь, а сам-то синий, ровно мертвец, – предупредительно докладывает па-

рень.

– Синий, ровно мертвец! – эхом отзывается в груди Счастливого, и, не помня себя, он кидается в класс.

Все разошлись по домам. Гимназия опустела. Только трое из «мелочи» играют в перышки на задней скамейке.

– Ну, что, нашли Голубина? – осведомляется Янко, и тревожно поблескивают его хохлацкие глаза.

– Нашли... болен дома... из-за меня болен Голубин, – едва находит в себе силы ответить Счастливчик, падает на скамейку и рыдает на весь класс.

ГЛАВА XXXIII

Внизу в швейцарской происходит другого рода история. Monsieur Диро, как ни в чем не бывало, приехал, ничего не подозревая, за Счастливым, и вдруг...

– Они наказаны. Их не пускают, – объявляет ему швейцар.

Счастливчик наказан? О, этого не может быть! Это какое-то недоразумение. Маленький Счастливчик не может быть наказан. Это какая-то чепуха!

Monsieur Диро говорит на своем французско-русском, непонятном, как китайский язык, наречии. Швейцар возражает по-русски, и оба волнуются, не понимая друг друга.

К счастью, в швейцарскую входит классный наставник и, на вопрос взволнованного гувернера, предупредительно поясняет, что ученик Раев получил единицу, плясал и трубил в классе и за все это оставлен в гимназии на два лишние часа. Monsieur Диро ужасно удивлен.

– О, – лепечет он чуть внятно, – такой малют, такой хорошая мальчугашик и вдруг единишка и трюба!.. Не понимай! О, как это шесток! Как шесток таково наказаль!

Но еще больше волнуются дома, когда в обычное время возвращения из гимназии не видно знакомых санок, запряженных Разгуляем. Бабушка, всегда поджидающая у окна своего любимца, приходит в невероятное волнение.

– Няня! Няня! Поезжай в гимназию узнать, что случилось с Кирой и monsieur Диро... Да бери извозчика, няня, и скорее, скорее!

Няня охает, ворчит, надевает свою допотопную, на лисьем меху, шубу и едет. Проходит еще полчаса томительного ожидания. Ни няни, ни Счастливица, ни monsieur Диро не видно на горизонте.

Бабушка в отчаянии.

– Аврора Васильевна! Ради бога, отправляйтесь туда узнать, в чем дело, что случилось, – умоляет бабушка Лялину и Симочкину гувернантку.

Аврора Васильевна любезно соглашается исполнить бабушкино желание и уезжает.

Еще полчаса. Никого нет. Напряжение достигает ужасных размеров.

Попадается на глаза Франц. И Франца тоже командируют в гимназию. В доме остаются только повар, горничная и судомойка в кухне. Бабушка, Ляля и Симочка в окнах. Все трое прильнули к стеклам, все трое, не отрываясь, смотрят на улицу. Лица у всех напряженно бледные, глаза затуманены. В мыслях це-

лый рой самых невероятных предположений.

«Переходил через улицу, попал под трамвай... Лежит в больнице... А то в гимназии расшибли его на смерть, или... или...»

– Нет, сил больше не хватает у меня ждать так... Девочки, поеду и я! – неожиданно вырывается из груди бабушки, и она начинает суетливо собираться в гимназию.

– Везут! Везут! – в ту же минуту радостно вскрикивает Симочка и хлопает в ладоши.

С быстротою молоденькой девочки бабушка бросается на свой наблюдательный пост у окна.

– Вот он! Вот он, наконец! Милый, милый Счастливичик!

Monsieur Диро и Аврора Васильевна сидят в санях. Между ними Кира. Лицо его мрачно, уныло, веки красны и вспухли от слез.

За Андроном едет извозчик с няней и Францем. Они точно Счастличиковы телохранители, точно почетная свита маленького принца.

Но маленький принц на себя не похож сегодня. Счастливичик медленно поднимается по лестнице, с убитым видом входит в залу и замирает в объятиях бабушки.

Несколько минут ничего не слышно, только рыдания, одни рыдания... Плачет бабушка, плачет Ляля,

плачет няня, плачет Симочка.

Monsieur Диро и Аврора Васильевна рассказывают все. Таким образом узнается и про единицу, и про го-пак, и про трубу, и про наказание.

Единица!

Бабушка смотрит так огорченно, как будто единица получена ею самою. Ляля печально покачивает черненькой головкой.

– Ах, Счастличик! Как это могло случиться?

Счастличик кажется очень смущенным и угрюмым. Но не единица и не наказание его мучают, нет! Совсем, совсем другое! Там, через несколько улиц, лежит больной Голубин, маленький Аля, заболевший по его вине. Сердце Счастличика сжимается больно-больно, и слезы застилают мгновенно его огромные глаза.

– Бабушка! Аля Голубин болен. Пусти меня к Але, – шепчет Кира, пряча на груди Валентины Павловны свое заплаканное лицо.

– Что? Что такое? Голубин болен? Ты хочешь к нему? Но, дитя мое, у него может быть заразная болезнь: корь, скарлатина, свинка, дифтерит, – в ужасе перечисляет бабушка.

– Круп, тиф, рожа! – вторит ей с неменьшим ужасом Ляля.

– Или еще хуже – холера! – заключает няня.

И все хором, в три голоса восклицают:

– Нет, нет, ты не пойдешь туда!

Что-то необъяснимое происходит в ту же минуту со Счастливым. Добрый и кроткий по природе, он мгновенно делается злым.

Там болен, может быть, даже умирает, по его, Счастливого, вине, бедный маленький Аля, а его не пускают к нему! О, этого не может пережить Счастливчик. Недобрые огоньки зажигаются в глазах Киры. Брови хмурятся, лицо делается упрямым и капризным. Совсем не узнать теперь его хорошенького милого лица.

– А я все-таки пойду! – неожиданно выпаливает Счастливчик.

На лицах присутствующих ужас.

Гром небесный, неожиданно разражающийся в облаках, не мог бы произвести большего переполоха.

С минуту все молчат. У всех растерянные лица.

Потом бабушка говорит первая. В ее голосе укор. В глазах слезы.

– Дитя мое! Счастливчик! Подумай только, что ты сказал!

– Кира, Кира, – лепечет перепуганная Ляля, – опомнись! Папа и мама все это видят с небес!

– Батюшка мой! – стонет няня, разводя руками.

Все напрасно. Счастливчик остается при своем.

Его глаза блестят, щеки горят, губы дрожат, и он кричит так громко, точно вокруг него стоят глухие.

– А я все-таки пойду! Непременно пойду! Аля болен! Голубин болен!.. Из-за меня, поймите, из-за меня!.. Пойду! Пойду! И... и если удерживать станете, никого не буду любить!

Последние слова Счастливичик выкрикивает на всю квартиру и, схватившись за голову, мчится к себе.

Через минуту в детской слышно щелканье затворившейся задвижки.

Это Счастливичик запер свою дверь на крючок.

– Что делать? Что делать? Точно подменили мальчика!.. – в отчаянии ломает руки бабушка.

– Заперся, – шепчет Ляля.

– И обедать не спросил! – вторит Симочка.

– Пойти разве туда, к нему? – предлагает няня.

– Я пойду! – вызывается Ляля и, трепещущая, взволнованная, направляется к детской на своих костылях.

ГЛАВА XXXIV

– Тук! Тук!

Ни звука.

– Счастливчик! Отвори, миленький! Ляля пришла!

И милый голосок Ляли звучит трогательной нежностью. Молчание.

– Отвори, Счастливчик! Никакого звука за дверью.

Только Коко беспокоится в клетке и сердито свистит:

– Фю-фю-фю! Ляля делает паузу.

– Счастливчик, – продолжает она после минутного раздумья, – не огорчай нас всех... Пожалей бабушку... Выйди обедать, Счастливчик.

Головка у тебя заболит, родной. Слышишь меня, Кирочка?

Кирочка слышит, но молчит. Ему бесконечно жаль Лялю. По ее голосу он слышит, что она плачет. Так бы и распахнул дверь и кинулся к Ляле и расцеловал ее. Но мгновенно выплывает перед ним образ больного Али... Счастливчик вздрагивает, весь загорается негодованием и шепчет, ударяя кулачком по столу:

– Не пускают к нему, к больному не пускают! Никого не люблю! Никого вас не надо!

И прибавляет громким голосом:

– Уйдите все, никого не надо! Никого не хочу!

– Счастливчик! Счастливчик! – рыдает у двери Ляля. Но Счастливчик ничего не слышит больше, затыкает уши и бросается головой в подушку... Его сердце, как пойманная птичка, так и бьется, так и бьется в груди...

Ночь. Лампада мирно озаряет маленькую, чистенькую белую комнатку с тюлевыми занавесками. В комнате две кровати. Одна большая – нянина, в которой крепко с полуоткрытым ртом храпит Степановна, утомившаяся за день. В другой, узенькой и белой, лежит Симочка. Симочка не спит. Под подушкой у Симочки целая кладовая. Там лежат два яблока, плитка шоколада и четыре леденца. Пятый леденец во рту у Симочки. Симочка сосет леденец и думает о Счастливчике: «Что с ним такое? Какой он сердитый был сегодня! Ах! К себе никого не пустил, обед ему носил Франц в детскую и даже Лялю, милую, кроткую Лялю, заставил плакать!»

Симочка недоумеваает и ест леденцы, потом шоколад и яблоки, свою обычную порцию за день. Симочка – лакомка: она терпеть не может есть на глазах у всех и понемножку. Куда лучше сделать запас и уничтожить его вечером на ночь, сразу, втихомолку наслаждаясь и смакуя каждый кусочек. Если бы только знала Аврора Васильевна, ах, попало бы Симочке!

Чу! В коридоре скрипят половицы. Не Аврора ли Васильевна! Симочка сует свои сокровища под подушку, плотно жмурит глаза и делает невинное спящее лицо.

Дверь раскрывается... Это что такое?

На пороге Счастливчик.

– Счастливчик! – замирая от изумления, тихо роняет Симочка.

– Тс! Тс! Ради бога, тише, разбудишь няню! – шепчет Счастливчик и на цыпочках подходит к Симочкиной кроватке.

– Что такое! Что случилось, Счастливчик? Яблоки, шоколад, леденцы – все забыто мигом. Симочка сидит на кровати и горящими любопытством глазами впивается в своего названного брата.

Счастливчик опускается рядом. Он грустен и взволнован. Его личико бледно, глаза распухли от слез.

– Ты меня очень любишь, Симочка? – без всяких обиняков спрашивает Счастливчик.

– Как перед богом, Счастливчик! – горячо срывается с уст Симочки.

Она говорит правду. Больше всего в мире она любит Счастливчика, потом уже бабушку с Лелей, няню, леденцы и шоколад.

Лицо Киры принимает торжественное выражение.

– И ты принесешь мне какую бы я ни попросил жертву?

– Ну, конечно, Счастличик. А что? Глаза Симочки с жадным вниманием впиваются в Киру. Кира приближает губы к Симочкиному левому уху и шепчет:

– Аля болен... Ты понимаешь, болен... из-за меня... Была война... Он пленник, и я его взял в плен и запер в сарай от дров, холодный, пустой... Запер и забыл... Он был в одной куртке... А я про него забыл... Три часа не вспоминал... Дворник его нашел... Аля был синий... холодный, понимаешь, как мертвец... А потом горячий и больной. Из-за меня больной, понимаешь? Я его должен видеть, должен!.. И пойду... Пусть не пускают, а я пойду... Я придумал, слушай: завтра не ехать в гимназию нельзя и не навестить Алю тоже нельзя... Так вот что... Ты утром наденешь мой гимназический костюм, то есть пальто и фуражку. Башлык завяжи потуже. Я высоко его подвязываю, а ты завяжешь пониже, чтобы выглядеть одного роста... Ты меня ведь выше... Выходи прямо укутанная из моей комнаты, садись в сани рядом с Ами и поезжай. До гимназии доедешь, войди в швейцарскую, а когда отъедет Андрон, скорее выскакивай и домой, домой... А я тем временем успею в твоей шубке и капоре туда, туда, к Але... Понимаешь?

О, да, все это Симочка поняла сразу, потому что прослушала все от слова до слова с захватывающим интересом. О, как все это забавно, весело, хорошо!..

Как хорошо!.. Настоящий подвиг, как в сказке! И она, Симочка, героиня!

Да, да, она сделает все, все, что от нее требуется.
Все, все!

И все останется в тайне...

Тайна между нею и ее маленьким братом.

Ах, как интересно, как интересно!

И Симочка, охваченная бурным восторгом, клянется Кире, что исполнит его поручение хоть сейчас... Она хотела бы еще многое-многое сказать этому милому Счастливику, но няня начинает беспокойно ворочаться на постели, и дети, стремительно поцеловавшись на прощанье, расстаются до завтрашнего утра.

ГЛАВА XXXV

– У него насморк.

– Нет, должно быть, он просто закутан!

– Ах, неужели же вы не понимаете, стыдно ему.

– Ну, конечно, после всего происшедшего вчера – стыдно.

– Когда он вернется из гимназии, ни полслова о происшедшем! Как будто ничего и не произошло вчера! – строгим голосом говорит бабушка, и все снова принимают к окнам.

Из окон хорошо видно, как выходит на крыльцо monsieur Диро и с ним, с лицом, укутанным в башлык, небольшая фигурка. Андрон подает сани. Monsieur Диро и фигурка садятся и едут.

На дворе тепло. А Счастличик, точно в трескучий мороз, укутался, как на смех.

– Вы вспотеете так, мой мальчик, – заботливо обращается по-французски к своему спутнику monsieur Диро, – размотайте башлык. Высуньте ваш носик.

Но его маленький сосед молчит, точно не слышит, и усиленно отворачивает голову в другую сторону.

– Вероятно, еще продолжается вчерашний каприз, – соображает monsieur Диро и оставляет своего соседа в покое.

Вот и гимназия. Лихо подкатывает к ее подъезду Андрон.

– Тпрууу! Пожалуйста, молодой барин!

«Молодой барин» быстро отстегивает полость, предупреждая Андрона, и, выскочив из саней, врывается в подъезд.

– Ха, ха, ха, ха! – встречает его веселый хохот нескольких голосов. – Что ты так закутан, Лилипутик? – кричит громче всех Янко, схватывая воображаемого Счастливого за плечи.

– Он боится отморозить нос! Ха-ха-ха-ха! – вторит ему Помидор Иванович.

– Господа, он простужен! Ему нельзя раздеваться. Ему надо сидеть в классе в галошах, пальто и башлыке, – смеется Подгурин, и неожиданно его мысль принимает самое лукавое направление.

– А ну, потащим его, братцы, во всем параде в класс!

И не успевает закутанная фигурка что-либо сказать, как две пары рук подхватывают ее под руки и втаскивают на лестницу, в коридор и оттуда наверх, в отделение первого класса.

– Ха, ха, ха, ха! – заливаются мальчики. – С зимой честь имеем поздравить, с морозцем!.. Брррр! Холодно-то как, нос отморозишь, ей-богу! Лилипут!

Так, прыгая и приплясывая вокруг закутанной фи-

гурки, шутят они.

– Братцы! Воспитатель катит по горизонту! – испуганно заявляет Помидор Иванович, высунувшийся за дверь, и, в два прыжка очутившись снова около фигурки, лепечет:

– Скорей, скорей! Сбрасывай всю эту хламиду, Счастливчик, а я стащу в швейцарскую... Не то попадет!

И сам он торопливо начинает раздевать смущенно с поникшей головой стоящую посреди фигурку.

Долой башлык, пальто, фуражку...

– Ах!

Помидор Иванович вскрикивает и отлетает, как мячик, на три шага.

– Ах! – дружным, не то испуганным, не то изумленным возгласом вырывается из двадцати девяти детских грудей.

– Симочка! – снова вскрикивает Помидор Иванович.

– Девчонка! Вот тебе раз! – вторит ему класс.

Посреди комнаты стоит теперь странная фигурка. Форма гимназистика, а голова с косичкой... Длинные растрепавшиеся пряди желтовато-белокурых двуцветных Симочкиных волос падают на лоб, щеки, на глаза, на маленький, пуговкою, нос с мелкими, как бисер, веснушками. Из-под спутанных на лбу

прядей смотрят бойкие синие глаза, без малейшей тени испуга.

– Вот тебе раз! – говорит растерянно Помидор Иванович. – Симочка! Как же вы сюда попали?

Тогда раскрываются малиновые губки, и Симочка быстро-быстро, захлебываясь и волнуясь, рассказывает все: про болезнь Али Голубина, про Счастливица и про возложенное им на нее поручение.

Едва только успевает она выложить суть дела, как кто-то сильно хлопает ее по плечу.

– Ура! Ай да молодчина девчонка, ей-богу, точно наш брат мужчина! – кричит весело Янко, и глаза его загораются восторгом. – Ай да молодец! Вот это я понимаю!

– И я! И я тоже! – звучат другие веселые голоса.

– А и здорово же, смелая вы, Симочка! Другая ни за что не пойдет на такой поступок, – снова подходя к девочке, говорит Ваня Курнышов. – Давайте-ка вашу лапку... Я пожму ее от души, как товарищу-мужчине!

И он так крепко встряхивает тонкую Симочкину ручонку, что у той искры сыплются из глаз.

– Братцы, Петух на пороге!

– Вот так штука!

– Скандал!

– Лезьте под скамейку!

– Нет, за доску лучше!

Ах, как жаль, что пол не лед и в него нельзя провалиться!

В классе суета, суматоха... Кольцо мальчиков стеной окружает Симочку и закрывает ее от глаз вошедшего Пыльмина.

Появившийся на пороге Петр Петрович внимательно прищуривается и смотрит удивленный через толпу мальчиков, которые хотят скрыть от его глаз что-то за своими фигурками. Но Пыльмина обмануть трудно.

– Что за базар? – строго повышает он голос. И, быстро расчистив себе дорогу, останавливается, как вкопанный, перед мальчиком с косичкой.

Мальчик с косичкой очень благовоспитанный мальчик. При виде незнакомого человека в вицмундире, Симочка потупляет глазки и отвешивает низкий реверанс.

Ах, этот реверанс! Он погубил все дело. Если бы не этот реверанс, можно было бы, пожалуй, уверить как-нибудь классного наставника, что это маленький китаец с косичкой, который поступил недавно в соседнюю гимназию и, перепутав дорогу, попал в здешнюю, сюда. Но даже китайцы не делают реверансов, как девочки...

Дело испорчено вконец.

Классный наставник краснеет от гнева, высоко поднимает брови и говорит зловещим голосом:

– Я сейчас иду за инспектором! Что за глупая шутка! Вы все будете наказаны!

И выходит, хлопнув дверью так, что пляшет шкаф, оконные рамы, кафедра и столы.

– Теперь спасайтесь! – шепчет отчаянным шепотом Ваня Курнышов ошеломленной, но отнюдь не испуганной Симочке. – Бегите вниз, что есть мочи, и духом домой!

– Духом домой! Мы вам поможем одеться! – эхом откликаются двадцать девять мальчиков, и десяток рук помогает Симочке одеть злополучное пальто, фуражку и башлык.

Мальчик с косичкой преображается снова.

Теперь не только чужие, но и домашние, пожалуй, не узнают, кто там спрятан под башлыком – гимназист или девочка.

Симочка пулей вылетает из класса.

– Прощайте, прощайте! – кричат ей сдержанно десятки голосов.

– Молодец девочка! Отчаянная! Вся в нашу бранию! – вторят другие.

– Скорее! Скорее, Симочка! – посылает девочке вдогонку Ваня Курнышов.

Но Симочка и без него знает, что надо скорее. Она мчится по коридору, по лестнице, мимо изумленных, попадающихся то и дело на пути гимназистов, настав-

ников, учителей. Бомбой влетает она в швейцарскую,
проскальзывает мимо онемевшего швейцара и...

Слава богу! Она по дороге к дому!

ГЛАВА XXXVI

Веселое свежее мартовское утро... Канун зарождающейся весны... Снег еще лежит на улицах, но небо синее, как огромный, чистый сапфир, улыбается и блещет своим огненным солнцем...

В теплом салопе и капоре Симочки спешно шагает по тротуару Счастливчик. Из-под салопы выглядывают ноги в черных брюках и сапогах.

Ах, как трудно было уйти ему сегодня из дому!.. Пришлось высидеть целый час в гардеробной, пока Симочка не уехала с Ами, потом через черный ход и кухню прокрасться мимо повара и судомойки, спуститься по лестнице, в сени, а затем на улицу. Но вот он наконец-то на свободе. Счастливчик вздыхает облегченно и прибавляет шаг. Скоро, теперь скоро. Он знает адрес Али, знает дорогу. Сначала прямо, прямо, потом направо и налево через широкую улицу, затем через узенький переулок...

Ах, как жалко, что в кошельке не осталось ни одной монетки! Можно было бы нанять на нее извозчика. А то так трудно идти и к тому же надо скорей, скорей...

Счастливчик все прибавляет и прибавляет шаг. Вот он наконец – грязный, узкий переулок. Вот и серый, неприветливый трехэтажный дом.

Здесь отдаются дешевые квартиры и комнаты для бедного люда.

– Динь! Динь! Динь! – звонит Счастличик у обитой клеенкой двери в верхнем этаже.

– Здесь комната госпожи Голубиной?

– Пожалуйста, маленькая барышня, здесь, – и скромно одетая служанка его впускает.

Она принимает его за девочку... Гм!.. Не все ли равно!

Салоп прочь! Капор тоже! У служанки глаза делаются круглыми от изумления.

Вот так превращение: девочка стала вдруг мальчиком!

Как это так?

Но Счастличику нет времени объяснять суть дела.

– Что, маленький Аля Голубин здоров? – тревожно спрашивает он.

– Очень больны! – отвечает служанка.

– Очень болен! – помимо собственной воли, вторит ей убитым голосом Счастличик, и что-то, как камень, больно и мучительно давит ему грудь.

– Можно к нему пройти? – спрашивает тихо Счастличик.

– Что ж, пойдите, – отвечает служанка.

Тихо, осторожно, на цыпочках идет Счастличик за девушкой по темному коридору и входит в какую-то

дверь.

Маленькая, маленькая комнатка... Убогая, обстановка... Кривой диван... Покосившийся стол... Кровать в углу. На кровати Аля... Или нет, не Аля даже, а какое-то беспокойно мечущееся, стонущее, худенькое, как кумач красное, маленькое существо.

– Аля! Аля! Дорогой, милый! – стоном срывается с губ Счастливого, и, не помня себя, он бросается к больному, хватая его крошечную, горячую, как огонь, ручку и подносит ее к губам.

– Бедный Аля! Милый Аля! – шепчет он исступленно, вглядываясь в багровое от жара лицо своего маленького друга.

Худенькая, бледная, как тень, женщина с большими голубыми, точь-в-точь как у Али, глазами подходит к Счастливику.

– Вы его товарищ? – говорит она тихим музыкальным и как будто надтреснутым голосом. – Вы, верно, Кира Раев? Счастливчик? Да? Он звал вас всю ночь в жару и бреду.

Счастливчик молча мотает головой. Он не может произнести ни слова в ответ. Что-то огромное и тяжелое растет в груди и душит его, душит...

Он, этот добрый, кроткий Голубин, вспоминал его, – его, дурного, злого, который так гадко, так жестоко с ним поступил!

Худенькая женщина стоит рядом. Она взяла маленькую ручку Али, держит ее в своих руках и смотрит в багровое, горячее лицо сына.

– Что говорит доктор? – шепчет тревожный вопрос Счастличик, не смея поднять на нее глаз.

– Доктор? Да разве я могла позвать доктора? – говорит глухо Алина мама. – У меня нет ни копейки за душой... Какой тут может быть, доктор! – убито заключает она и роняет на грудь усталую голову.

Слезы градом катятся по ее лицу. Точно молот ударяет по сердцу Счастличика.

– Без доктора! Без лекарств! О, господи!.. Он умрет! Умрет Аля! – иступленно шепчет с отчаянием в груди Счастличик. – Ах, зачем у меня нет денег?.. – с тоскою мысленно прибавляет он.

Тихое-тихое тиканье доносится до его ушей.

«Что это? – удивляется Счастличик. – Ах, да это мои часы!»

Как плохо, что он уже купил их, истратил на них все деньги, они бы такгодились сейчас на лечение Али, на доктора, на лекарство больному, на все, на все!

Душа точно замирает в Кире... И вдруг воскресает быстрая-быстрая мысль. Да разве часы не деньги? Разве нельзя в деньги обратить часы? Ну, конечно, можно! Можно! Можно! Можно!

Не раздумывая ни минуты больше, он запускает руку в карман, вынимает часы с цепочкой и передает Алиной маме.

– Вот, пожалуйста, – лепечет он, отводя в сторону от нее измученные глаза, – пусть девушка ваша съездит, продаст. Мне они не нужны... Совсем не нужны!.. А на вырученные деньги позовите поскорее доктора, купите лекарства, только бы выздоровел Аля...

– Вы великодушный, добрый ребенок, – отвечает растерянная, до глубины души потрясенная, худенькая женщина, – вы божий ангел, посланный с неба для спасения Али! О, благодарю, благодарю вас! Ваши часы я не продам, нет, нет, я возьму их на время, заложу... Потом выкуплю, верну вам... Это, может быть, дурно, что я принимаю от вас, маленького мальчика, такое одолжение без ведома ваших родных, но, но... вы видите сами, как плох мой Аля! А часы при первой же возможности к вам вернутся снова...

И, рыдая навзрыд, Раиса Даниловна Голубина скрылась в коридоре.

ГЛАВА XXXVII

Ах, какое утро! Какое ужасное утро!..

Аля не приходит в себя... Аля стонет, мечется и кричит временами в своей постели... А то лежит безмолвный и затихший, точно мертвец...

Скорее бы, скорее приехал доктор! Раиса Даниловна и Кира, тесно прижавшись друг к другу, охваченные одним общим волнением, с замиранием сердца ждут с минуты на минуту его приезда... Как измучилась, как исстрадалась маленькая душа Счастливица за это недолгое время. Сколько отчаяния и горя узнал он за эти короткие часы! Что-то не перестает сжимать его сердце... Что-то теснит голову и грудь... Страшный, настойчиво-властный голос твердит ему из глубины сердца:

– «Если маленький Аля умрет, ты довел его до этого своим безрассудным поступком, и ты виновник его смерти».

Как это ужасно! Как тяжело! Невыносимо тяжело!

На лицо Алиной мамы страшно смотреть. Глаза горят, как у безумной, щеки белы, как бумага... Боже мой! Что будет с нею, если умрет ее сокровище, ее бедный, маленький, всегда тихий, как мышка, кроткий голубок. А Аля, не багровый уже теперь, а блед-

ный-бледный, как известь. Его трясет лихорадка. У него озноб. Его впалые щеки сини. Зубы стучат. Глаза полуоткрыты, но он ими ничего не видит, решительно ничего. Он в забытьи.

Звонок в передней.

– Это доктор! – точно проснувшись, глухо говорит Раиса Даниловна.

Она не ошиблась – это был доктор.

Входит доктор, высокий, худой, в очках, кивает головой, внимательно оглядывает комнату. Потом подходит к постели, берет ручку больного, слушает пульс. Долго-долго выслушивает и выстукивает Алю...

О, как бесконечно долго длится его осмотр!

Наконец он оставляет маленького больного, подходит к Раисе Даниловне и говорит:

– У мальчика очень тяжелая болезнь, но не надо отчаиваться... Заразного у него ничего нет... Надеюсь, поправится. Надо только сейчас принять меры, и, если ему не станет легче, я не уеду отсюда... Будьте покойны, сударыня! Я приложу все силы, чтобы спасти его.

Он написал что-то быстро на клочке бумажки и велел подошедшей служанке нести в аптеку. Потом потребовал теплых одеял, теплого верхнего платья, подушек, словом, всего такого, чем можно было бы хорошенько укутать и согреть больного.

– Надо как можно скорее и лучше вызвать у больного испарину, – пояснил доктор, – и, если это удастся, мальчик спасен. А теперь горячего чаю сюда, хорошо бы с лимоном или коньяком.

Когда все требуемое было передано врачу, вместе с чаем и лекарством, доставленным из аптеки, доктор собственноручно влил несколько ложек горячего чая в посиневший ротик Али. Вслед за этим он стал каждые четверть часа поить его микстурой, предварительно укутав мальчика всеми теплыми вещами, которые нашлись в убогом жилище.

В промежутке между подачею лекарств врач обратился к Алиной маме:

– Отчего вы раньше не позвали меня? Надо было возможно скорее захватить болезнь!

– А разве уже поздно? – с ужасом в обезумевших от горя глазах спросила Голубина.

– Все в руках божьих! – ответил доктор.

В ответ на слова доктора громкое судорожное рыдание огласило комнату.

– Уведите ее, она потревожит больного, – тихо произнес, обращаясь к Счастливику, доктор. И Счастливчик, у которого маленькое сердце разрывалось от тоски и горя, как взрослый, повел Алину маму в коридор, плотно затворив дверь за собою.

На пороге комнаты они успели услышать голос док-

тора:

– Не отчаивайтесь раньше времени. Если, повторяю, удастся вызвать испарину, – ваш мальчик спасен.

ГЛАВА XXXVIII

В маленькой, почти крошечной, комнатке служанки, общей горничной для всех, снимающих скромные комнатки, бедных жильцов, Алина мама опускается на стул и горько-горько плачет.

– О, вы великодушный, добрый, чудный мальчик, – шепчет она, прижимая к своей худенькой груди голову Киры, – если бы не вы, не ваша помощь... – и она вздрагивает всем телом при одной мысли о том, что могло бы тогда случиться.

И град горячих, благодарных поцелуев сыплется на Счастливого.

Но еще теснее, еще болезненнее сжимается от них его сердце. Точно невидимые когти раздирают его на тысячу кусков.

О, эта бедная, худенькая Алина мама не знает, очевидно, кто виновник болезни ее милого мальчика... Какая мука! Какой ужас!

Счастливчик не в силах выносить этого ужаса, этой муки.

Вне себя, падает он на колени перед доброй, ласковой, несчастной, рыдающей женщиной и рассказывает ей все, как было, все, все...

Это целая исповедь... Ни капли в ней лжи, ни утай-

ки... Все, как было, – и про войну, и про плен, и про сарай для дров рассказывает Счастливичик, смешивая слезы со словами, слова с рыданиями.

Когда все рассказано, все до капли, – он скрывает лицо, приткнувшись к коленям Раисы Даниловны своей маленькой головкой, и лепечет, всхлипывая и дрожа всем телом:

– Ну, вот... вот видите, видите, что я вовсе не великодушный!.. Я виноват, очень виноват перед Алей!.. Ведь это я причина его болезни!.. Да! Да! И вы не должны называть меня великодушным... И не должны меня любить... Я не стою ни вашей ласки, ни любви бедного Али! Не стою, не стою! Нет! Нет!

И замирая всем существом своим, он ждет, что вот-вот его оттолкнут, выгонят отсюда, и что град заслуженных упреков и обвинений посыплется на него...

Ах, уж скорее бы, скорее! Но что это?

Две нежные руки обнимают его голову, прижимают к себе... А добрые голубые глаза Алиной мамы смотрят ему прямо в душу.

И добрый, кроткий, ласковый голос говорит так нежно и задушевно ему:

– Не мучь себя, мой мальчик... Не мучь себя... Господь с тобою!.. Не по злобе все это вышло, нечаянно, сгоряча... Я все знаю, все – и про завтраки твои знаю... Аля мой рассказывал мне все, все...

И дрожащие, трепещущие губы крепко и нежно целуют склоненную головку.

ГЛАВА XXXIX

Как тянется время!

Как бесконечно тянется оно!

Раиса Даниловна и Счастливчик не могут понять даже, сколько его прошло с той минуты, как доктор выслал их из комнаты больного.

Может быть – полчаса, а может быть – и четыре часа. В Алиной комнате так тихо-тихо, как в могиле. Ничего не слышно. Ни звука не доносится оттуда. Как страшно! Как страшно! Что-то происходит там?..

Часы тикают на стене в коридоре. Потом бьют раз, два, три!

Три часа!

В соседней комнате шорох... Кто-то отодвинул стул... Кто-то вздохнул тяжело и глубоко.

– Это он? Ему худо! Он умирает!

Слова рвутся с трепещущих губ Алиной мамы... Она вскакивает с места и вся дрожит с головы до ног.

И Счастливчик дрожит.

Словно в вихре мчатся его мысли.

– Сейчас, сейчас... вот, наверное, умер Голубин... Или... или...

В комнату горничной входит доктор. Лицо сосредоточенное, угрюмое, но глаза спокойны.

Два взгляда впадают в эти глаза с немым вопросом:

– Умер?

– Жив, – говорит доктор и улыбается широко. – Жив, ступайте к нему, теперь он вне всякой опасности, ваш мальчик!

Счастливику кажется вдруг, что солнце упало с неба и разом заполнило собою всю крошечную комнату прислуги. Так хорошо, так легко, так светло становится у него на душе!

И, потрясенный, счастливый, сияющий, он спешит за Алиной мамой туда, к дорогому маленькому больному.

Аля лежит, обложенный подушками, укрытый до подбородка разным теплым хламом, мокрый, как утенок, только что вышедший из воды, и слабо улыбается исхудавшим за сутки до неузнаваемости личиком.

– Мамочка! Счастливчик! Счастливчик у меня! – лепечет его нежный, слабенький голос. – Ах, как я рад тебе, Счастливчик!

Рад?.. Аля рад?..

Что это? Или он ослышался, Счастливчик? Это за все причиненное ему зло он ему рад, он – Аля ему – Кире рад?

Теплая волна заливают сердце Счастливого. Что-то сжимает горло, приливает волной к глазам. Горя-

чье, сладкое и мучительное счастье охватывает все его существо.

Аля жив!.. Аля простил!.. Аля его любит! Рад ему!
О, милый, добрый маленький Аля!

Два прыжка, и Счастливчик уже около его постели, около Раисы Даниловны, покрывающей безумными поцелуями худенькое, все в поту, личико сына.

Он обвивает рукой мокрую, укутанную теплым платком головку больного и, наклонившись к его уху, шепчет:

– Прости меня! Прости, Аля! Пожалуйста, прости, я не нарочно!

Голубые глазки поднимаются на Киру с неизъяснимым чувством любви и ласки. О, как хороши эти детские глазки! Какое ангельское выражение запечатлено сейчас на детском личике Али.

– Я люблю тебя, Счастливчик! Я так люблю тебя! Как брата люблю! У меня нет ни брата, ни сестры, хочешь, мы будем братьями с тобою? – чуть слышно шепчут ссохшиеся от недавнего жара губки.

Хочет ли он?

И Аля еще может спрашивать его об этом? Конечно, он хочет, хочет!

Кроме Ляли и Симочки, у него, у Счастливчика, еще будет брат! Милый, добрый брат, милый, славенький Аля!

О, он счастлив! Счастлив!

– Спать! Сейчас же спать! – шутливо приказывает больному доктор и, сделав знак Алиной маме и Счастливчику выйти, снова один остается в комнате больного.

* * *

– Счастливчик!

Кира, как сквозь сон, слышит голос бабушки, видит ее лицо... Лицо Али тоже... Ловит чей-то тихий шепот... и не может раскрыть глаз от охватившей его дремоты.

Бессонная ночь, страх за жизнь Али, пережитые за день волнения теперь дают себя знать. Он лежит в жесткой постели все в той же убогой комнате в чужом доме и никак не может прийти в себя.

А крошечная комнатка полна народу: тут и бабушка, и Раиса Даниловна, и Ами, и Франц.

Зачем Франц – этого Счастливчик понять не может. Не может разобрать и того, что говорит бабушке Раиса Даниловна, говорит горячо, пылко, то и дело обращая восхищенный взгляд на него, Киру.

– «Это такой чудный, такой добрый, такой великодушный мальчик!» – слышится Кире точно сквозь сон. Потом его поднимают и несут куда-то...

Надевают на него что-то тяжелое, теплое и опять несут.

Он приходит в себя только в карете. Тревожные лица бабушки и monsieur Диро вглядываются в него... И ни тени неудовольствия на обоих... А он-то еще вчера провинился перед ними!.. И сегодня ушел потихоньку! О, как гадко, гадко все это! И, сознавая вполне свою вину перед ними, Счастливчик тихонько берет руку бабушки и целует, целует без конца. Потом, внезапно, точно вспомнив, говорит, как в дремоте.

– Бабушка, милая, прости, я не хотел никого обидеть... Спроси Симочку, она все знает, до капельки все... И еще, бабушка, помоги Алиной маме... Пригласи ее давать уроки нам, – мне, Ляле, Симочке, – вместе с Авророй Васильевной. Ведь они такие бедные!.. Им кушать нечего иногда бывает, бабушка... И... и... я не могу больше жить отдельно от Али... Ведь мы братья теперь, понимаешь, бабушка, братья... Родные братья! Ты понимаешь?

– Понимаю, понимаю, все будет сделано, как ты хочешь, Счастливчик. Успокойся, мой голубчик! – спешит ответить Валентина Павловна внуку, и ее встревоженное лицо озаряется любящей улыбкой.

ГЛАВА XXXX

Май. Сирень цветет за окном. Ее пряный душистый аромат врывается в гимназическую залу. Солнце заливает ее стены, веселыми блестками ложась на них и на паркете, блестящем и гладком, как стекло.

В гимназической зале торжество: раздача наград в последний день учебного года.

Учителя, начальство, родственники гимназистов – все явились в гимназию посмотреть торжественное событие.

Посреди залы стол, покрытый алым сукном; вокруг стола поместилось гимназическое начальство. Вдоль стен шпалерами стоят ученики. Родственники и близкие размещены там дальше, на стульях.

Пропели певчие торжественный гимн, и инспектор начинает вызывать отличившихся учеников.

Начинает с младшего класса.

– Иван Курнышов, за отличное прилежание первая награда! – слышится отчеканивающий на всю огромную комнату каждое слово голос инспектора.

Помидор Иванович, краснее, чем когда-либо, смущенный и счастливый, идет к столу.

Ему вручают красивую большую книгу в роскошном переплете с золотым обрезом.

– Молодец! Довольны тобою! Можешь сказать родителям, – говорит инспектор, кладя руку на круглую, как шар, стриженую головку мальчугана.

Чье-то сдержанное всхлипывание слышится в углу. Худенькая, иссохшая в труде мать Вани, со скромно повязанною темной косынкой головою, плачет от счастья.

– Голубчик ты мой! Господь пошли тебе счастья, сыночек! – и целует, целует своего красного, как маков цвет, сынишку.

– Иван Янко! – снова звучит начальнический голос. Маленький хохол, успевший уже подраться позади других с Верстою и ущипнуть мимоходом Калмыка, как встрепанный, вылетает на середину залы.

Ах, эти шельмоватые синие глаза, эта лукаво улыбающаяся красивая рожица, эти спутанные непокорные кудри, – сколько во всем этом жизни и огня!

– Шалун, – говорит ему инспектор и сердито грозит пальцем, – если бы так же, как учишься, и вел себя!

Ивась тоже получает награду: нарядную, прекрасную книгу с золотым обрезом.

– Ух, важно! – говорит он шепотом товарищам и за их спинами выделяет незаметно для глаз начальства первое залихватское па родного гопака.

– Кирилл Раев!

Глаза бабушки, Ляли, Симочки, Ами, Мик-Мика, Ав-

роры Васильевны, Раисы Даниловны (Алина мама уже два месяца как вошла в семью Раевых и живет у них в качестве друга и учительницы музыки, а с ней вместе живет ее ненаглядный Аля), – все прикованы сейчас к Счастливику.

Без тени смущения, спокойный и уверенный в себе, как всегда, Кира подходит к покрытому алым сукном столу. Вся зала смотрит на хорошенького белокурого мальчика с такими огромными, умными и серьезными глазами.

– Третья награда! – говорит инспектор и не удерживается, что бы не погладить по плечу представшего перед ним серьезного маленького человечка.

Кира краснеет и взволнованный, держа в дрожащих руках красивую книгу в красном переплете, направляется к первому ряду стульев, где сидят его близкие.

– Поздравляем, поздравляем! – шепчут радостно бабушка, Голубина, Аврора Васильевна и Ами.

– О, если бы мама с папой были живы и видели это, – тихо, чуть слышно лепечет Ляля, покрывая бесконечными поцелуями лицо своего маленького брата. – Вот-то они обрадовались бы, узнав, как хорошо учится Кирочка!

– Что ж тут хорошего? – притворно сердится Мик-Мик. – Я думал, он первую получит, и Кира мог ее легко получить, а между тем он... Эхма, подвели вы ме-

на, Счастливчик! – делая отчаянную гримасу, с безнадежным видом заключает он.

– А вот мой Аля и ничего не получил! – с легким вздохом, словно утешая огорченного студента, говорит Раиса Даниловна.

– Ваш Аля – маленький ангел... Он сам собой представляет высшую награду, которую послал вам Господь, Раиса Даниловна.

И говоря это, бабушка в то же время ласкает отросшие за год кудри Киры.

Раиса Даниловна в свою очередь прижимает к груди Алю.

Все довольны, только Мик-Мик никак не может успокоиться.

– Как хотите, Счастливчик, – говорит он ворчливо, скашивая как-то странно и смешно глаза, отчего Симочка в забывчивости едва не фыркает на всю залу, – как хотите, а в будущем году не являться без первой награды, а то съем! Съем без сахара и без масла!

И он при этом лязгает зубами, желая показать, как он, большой и высокий Мик-Мик, съест маленького хрупкого Счастливчика. Все смеются. Смеется и Счастливчик и, разумеется, веселее всех.

– В будущем году! – говорит он, оживленно поблескивая своими красивыми глазенками. – О! В будущем году я постараюсь и у меня не будет ни одного кола,

ни одной пары. Ни троицы даже – все четверки и пятерки. Вот увидите! О, вы будете довольны! Увидите, милый Мик-Мик!